

27—34

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

I.

Историческая предания.

Въ старое время, еще до того, когда землями по верхнему течению Пянджа овладѣли Бадахшанцы, Шугнаномъ, Ишканиномъ, Ваханомъ и Зебакомъ управляли отдельные, самостоятельные правители. Въ этотъ периодъ ихъ истории Ишканимцамъ приходилось страдать отъ набѣговъ Бадахшанцевъ и Шугнанцевъ. Набѣгъ обыкновенно производили въ теченіе одной ночи; старались вернуться во свояси къ утру, чтобы соседнія страны, Ваханъ и Зебакъ, не успѣли подать помощи Ишканимцамъ. Послѣдніе еще помнятъ три большихъ набѣга Шугнанцевъ, когда страна была совершенно раззорена, дома разрушены, женщины уведены въ плѣнъ и проданы въ неволю, скотъ угнанъ. Дня за 2—3 до набѣга Шугнанцы задерживали какъ всѣ караваны, такъ и отдельныхъ путниковъ, шедшихъ черезъ ихъ страну въ Ишканимъ, чтобы не дать распространиться слухамъ о военныхъ приготовленіяхъ.

У Ишканимцевъ же были выстроены въ разныхъ мѣстахъ, въ видѣ оборонительной мѣры, сторожевые башни, туб-хона, изъ которыхъ сохранились и понынѣ: напр. въ Сафід-Обрінг и въ Бод-Хона (на афганской территоії) и въ Сарі-Шах передъ Ях-дурѣ (на бухарской территоії). На верху каждой башенки былъ карауль, и тутъ же держался на готовѣ горючій матеріалъ. Когда непріятель приближался, карауль зажигалъ костеръ и убѣгалъ прятаться въ горы; следующая туб-хона передавала сигналъ дальше, и если только караульные крайней туб-хона усиливали зажечь свой костеръ, то вся страна во время узнавала о надвигавшейся опасности и бралась за оружіе.

Повидимому, Ишканиму подчинился Бадахшану очень давно, но на первыхъ порахъ правители его только платили дань мирамъ Бадахшана,

власть же переходила отъ одного изъ нихъ къ другому по наслѣдству (хотя, конечно, каждый разъ съ согласія и утвержденія Бадахшанскаго мира); временами зависимость отъ сосѣдней страны бывала слабѣе, временами, наоборотъ, тѣснѣе. Изъ именъ наиболѣе древнихъ миѳовъ Ишкашима въ народѣ сохранилось имя شاه ابراهيم بيك 'аш'a; послѣ него, повидимому, правилъ сынъ его, شاه سعى، а за нимъ, по назначенію Бадахшанскаго мира, ميرزا بادشاه، потомъ правилъ братъ Шо-Заманъ-еддина, миѳа Бадахшана, سید علی خان، затѣмъ сынъ Курбон-хбн'a, سفر على خان, послѣ него عبد الغازى خان (сынъ 'аш'a), назначенный также изъ Бадахшана, потомъ احمد خان (сынъ Абдул-Самат-хбн'a), затѣмъ братъ Худбжр-хбн'a, потомъ снова по назначенію Бадахшанскаго мира محمد رحيم خان, за пимъ سید صادق شکر الله بيك, сынъ Зебакскаго миѳа Хакк-Назар-бек'a, а потомъ شکر الله بيك (бывшій раньше миѳомъ Зебака, отецъ شکر الله بيك). Во время правленія سید صادق شاه Абдуррахманъ-ханъ сломилъ самостоятельность Бадахшана, оказавшаго Исхак-хану поддержку во время его возстанія противъ двоюроднаго брата, и тогда же афганскому владычеству поддали Зебакъ, Ваханъ и Ишкашимъ (между 1889 и 1891 гг.). Афганцы оставили въ нихъ на первые годы прежнихъ туземныхъ правителей, перемѣстивъ ихъ только одного на мѣсто другого, но позднѣе арестовали обоихъ и отправили съ семьями въ Афганистанъ. مير حق نظر بيك умеръ въ неволѣ въ Ханабадѣ; Сайдъ-Садыкъ-ханъ былъ казненъ въ Кабулѣ, а Зебакъ, Ишкашимъ и Ваханъ уравнены въ административномъ отношеніи съ другими областями Афганистана.

Ваханъ и Ишкашимъ раздѣляются Пянджеятъ, каждый на двѣ части; по разграниченію 1894 года, земли на правомъ берегу рѣки были переданы Бухарѣ, причемъ Афганскіе Ваханъ и Ишкашимъ остались значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ Бухарскіе. По отзывамъ горцевъ, въ Афганскомъ Ишкашимѣ 120 домовъ (по другому счету 151), въ Бухарскомъ — 30 (или 38); во время владычества Афганистана во всемъ Ишкашимѣ насчитывалось 130 домовъ (съ которыхъ собирались подати).

Существуетъ преданіе, что въ старое время Ишкашимъ былъ гораздо болѣе цѣнѣнъ и населенъ, чѣмъ теперь, и что въ немъ было 1500 домовъ. Объ этомъ періодѣ былаго расцвѣта свидѣтельствуютъ и понынѣ названія нѣкоторыхъ селеній, напр. Ббзбр, бывшій торговымъ центромъ (какового теперь уже неѣть), или Оингар-дѣ, «селеніе кузнецловъ» и др. Въ упомянутомъ селенії Ббзбр сохранились остатки большой мечети, имѣвшей 99 столбовъ (деревянныхъ); теперь существуютъ лишь ея разваливающіяся стѣны, по которымъ старики, живущіе въ этой мѣстности и попынѣ, въ молодости

своей видѣли ее съ необрушившимся потолкомъ. Согласно преданію, въ то старое время, когда была построена эта мечеть, жившій въ Балхѣ царь держалъ въ подчиненіи всѣхъ правителей отъ своей столицы вплоть до Ишкашима; ихъ всѣхъ было 99, Ишкашимскій, какъ пограничный, былъ 99-мъ и, прозвывался بيك کم صد بادشاھ.

Эта легенда относится ко времени, предшествовавшему покоренію страны Бадахшаномъ, но существуютъ признаки культуры, оставшіеся отъ еще болѣе отдаленной эпохи. Во многихъ мѣстахъ долины верхняго Пянджа видныются, обыкновенно на неприступныхъ скалахъ, остатки крѣпостей, называемыхъ кафир-кала, постройка коихъ приписывается Таджиками чужому, не родственному имъ племени. По общераспространенному среди нихъ повѣрью, Таджики вытѣснили изъ долины верхняго Пянджа Кафировъ (Сіонушей), и послѣдніе бѣжали черезъ перевалы Гиндукуша въ теперешній Кафиристанъ. Въ воображеніи горцевъ война съ Кафирами переплелась съ апокрифическими религіозными сказаніями о завоеваніяхъ Магомета и главнымъ образомъ Али, совершившаго, по убѣждению Таджиковъ, цѣлый рядъ подвиговъ въ долинѣ верхняго Пянджа; такимъ образомъ, подъ вліяніемъ ислама, завоеваніе прѣшамирскихъ странъ представляется имъ, какъ послѣдствіе религіозной войны.

Въ одной изъ легендъ¹⁾, связанныхъ съ развалинами крѣпости около селенія Наматгут, фигурируютъ чисто персидскія имена и намеки на персидскіе обычай (напр. браки между братьями и сестрами въ царскомъ роду); такъ у царя по имени Кахкаѣ, жившаго въ этой крѣпости, были двѣ дочери: Зул-Хумбр и Гул-Хумбр; первая послѣ нашествія правовѣрныхъ приняла мусульманство, вторая же удалилась въ мѣста, населенные теперь Кафирами племени Парбог, и стала ихъ родоначальницей. Выше по Пянджу у Йамчн'a была другая крѣпость, грандіозные остатки коей покрываютъ и по сей часъ весь хребетъ горы; здѣсь жилъ Замр, братъ Кахкаѣ, третій же ихъ братъ, Зацгібр, владѣлъ третьей крѣпостью (напр. Лянгаря). Кроме того въ Сархадѣ (въ афганскомъ Ваханѣ) была крѣпость, порученная рабу Кахкаѣ, по имени Саріх-Чупой. Два первыхъ брата: Кахкаѣ и Замр, жили со своими сестрами, причемъ Замр всякий разъ, что ходилъ къ своей сестрѣ (и вмѣстѣ съ тѣмъ жено), идя по ту сторону Пянджа, перепрыгивалъ черезъ рѣку, и потомъ, совокупившись съ сестрой, прерывалъ совокупленіе и глоталъ собственное сѣмя. Сестра его отъ этого стала болѣть, и, хворая все сильнѣе и сильнѣе, обратилась за советомъ къ одной старухѣ. Та узрѣла въ чёмъ дѣло, научила ее обнять брата покрѣпче и не отпускать его до

1) Это преданіе записано въ сел. Ринд, 25-го августа 1902 г. отъ Наматгутскаго жителя ملا نظر شاھ.

конца акта совокупления. Когда она последовала этому совѣту, Замр потерялъ силу и, возвращаясь черезъ рѣку, не смогъ черезъ нее перепрыгнуть, упалъ и сильно расшибся. Въ концѣ концовъ, по легенде, всѣ три брата были убиты Али во время его похода.

Другая легенда, связанныя съ именемъ Али, слѣдующаго содержанія. Есть озеро около селенія Бозгир въ Зебакѣ, гдѣ живетъ страшный семиглавый драконъ. Въ глубокую старину ему сжedневно приносили въ дань одну девицу, одного быка, сорокъ барановъ и сорокъ большихъ хлѣбовъ, и онъ, довольствуясь этими приношеніями, не раззорялъ страны. Али, привѣтъ къ озеру, увидавъ на берегу его одинокую девицу, стоящую вмѣстѣ съ другими дарами; она оказалась единственной дочерью бѣдной старушки. Али спросилъ ее, почему она не бѣжитъ, но она отвѣчала, что односельчане ей этого не простятъ, а драконъ станетъ опустошать окрестности. Тогда Али рѣшилъ вступить въ бой съ дракономъ, но въ ожиданіи его появленія легъ спать, положивъ голову на колѣни девушки, чтобы она разбудила его, когда настанетъ время. Однако онъ заснулъ такъ крѣпко, что, когда драконъ сталъ показываться, девушка не могла разбудить героя и въ отчалинѣ заплакала, одна изъ ея слезъ упала на лицо Али, разбудила его, и онъ началъ битву съ чудовищемъ, но на мѣсто каждой изъ отрубленныхъ имъ головъ дракона выростала новая. Когда же онъ, отрубивъ шесть головъ, надрубилъ седьмую, драконъ упалъ обратно въ озеро и исчезъ въ водѣ. На окровавленномъ мѣстѣ побоища остались два его глаза; они превратились въ камни, и мѣстные жители до сихъ поръ ихъ показываютъ. Девушка вернулась въ Бозгир, но тамъ сначала не хотѣли вѣрить ея разсказу, пока наконецъ ея мать и одинъ изъ односельчанъ, старикъ, не пошли съ ней на мѣсто битвы и, увидавъ глаза дракона, не поспѣшили обратно съ радостной вѣстью; въ селеніи по этому случаю было большое ликованіе и пиръ. Полумертвый же драконъ, ушавъ назадъ въ озеро, до сихъ поръ живетъ въ одномъ его углу, подъ водой, и отъ времени до времени слышится его голосъ, сильный ревъ изъ подъ воды. Каждый разъ, какъ этотъ звукъ раздается, жители принимаютъ его за предзнаменование скорой смерти кого-нибудь изъ односельчанъ.

Въ Ваханѣ есть селеніе Наматгут; по объясненію Ваханцевъ, название его прежде было Намак-кут (*نمک کوت*), т. е. «много соли», такъ какъ около этого мѣста были соляные копи, но потомъ Али (котораго они такъ же какъ и большинство мусульманъ называютъ *شاه مردان*) во время битвы съ легендарнымъ Кахкаѣ, испустилъ крикъ и вся соль въ копяхъ исчезла; отъ этого крика исчезла также и вся растительность въ горахъ Вахана и Ишкашима. До того времени горы были покрыты кустарникомъ и лѣсами, но во время битвы невѣрные спрятались всюду подъ прикрытие деревьевъ; отъ

крика Али послѣднія всѣ сгорѣли и невѣрные погибли вмѣстѣ съ ними, горы же оголились навсегда. Мѣстность, гдѣ теперь Горон, осталась въ сторонѣ отъ тѣхъ земель, гдѣ разыгралась война Али противъ невѣрныхъ (тамъ и нѣть развалинъ «крепостей кафировъ»), поэтому крикъ Али туда не проникъ, и растительность въ Горонѣ сохранилась.

Отъ стараго времени остались кое-гдѣ, какъ говорятъ, и надписи на скалахъ; одна такая надпись находится будто-бы на черномъ камнѣ на границѣ между Зебакомъ и афганскимъ Ишкашимомъ; другая, повидимому съ очень древними знаками, находится въ Бадахшанѣ, по ту сторону Файзабада. Камень, на которомъ она высѣчена, называется Сангі-мур (*سنگ مور*), «камень печати», и окружающая его степь *دشت سنگ مور*. Существуетъ весьма распространенное въ тѣхъ мѣстахъ повѣрье, что русскіе намѣрены завладѣть страной до этого мѣста; печать на камнѣ наложена будто-бы въ прежнее время ихъ предками, и означаетъ предѣль пхъ грядущихъ завоеваний. Вообще, русскіе очень популярны въ Бадахшанѣ, и когда Таджикамъ съ праваго берега доводится ходить туда, то мѣстные жители принимаютъ ихъ ласково и часто справляются, скоро ли русскіе придутъ и избавятъ ихъ отъ Афганцевъ.

Время владычества Бадахшана горцы называютъ *واختی - ӯزباق* (*وقت اوزبکان*) «время Узбековъ»; на самомъ же дѣлѣ населеніе Бадахшана смѣшанное; оно состоитъ изъ Узбековъ и Таджиковъ, но, повидимому, первые, какъ болѣе воинственные, захватили власть въ свои руки. Бадахшанские Таджики, говорящіе парчаюмъ персидскаго языка, дѣлится на нѣсколько племенъ, причемъ племена эти немного разнятся другъ отъ друга своимъ говоромъ. По словамъ Таджиковъ праваго берега Пянджа, самое многочисленное племя (3—4 тыс. домовъ), Роѣ, населяетъ сѣверную часть страны; за нимъ идетъ Янтал, наиболѣе влиятельное и сильное племя, потомъ Рустак, Кинн, Бѣрак, Бардуц, Зардѣш и другія.

Тюркскихъ родовъ въ Бадахшанѣ шесть: 1) Муцул; оно состоитъ изъ тридцати подраздѣлений, изъ которыхъ наиболѣе многочисленны Чиркѣ-Муцул, Амі-Муцул, Йакка-Муцул и др. 2) Барлѣс. 3) Карак; этотъ родъ тоже распадается на подраздѣленія, изъ которыхъ болѣе многочисленно Каракуки-мірзой; некоторые карлукскіе роды производятъ себя отъ Чингизъ-Хана. 4) Калтѣ-той. 5) Чунг. 6) Чиргѣз; этотъ родъ дѣлится на собственно Чиргѣз и Утрапчї.

Наслѣдникъ послѣдняго изъ Бадахшанскихъ мировъ, Искандеръ-Ханъ, проживаетъ на Бухарской территории; имъ сообщена нижеслѣдующая генеалогическая таблица Бадахшанскихъ мировъ:

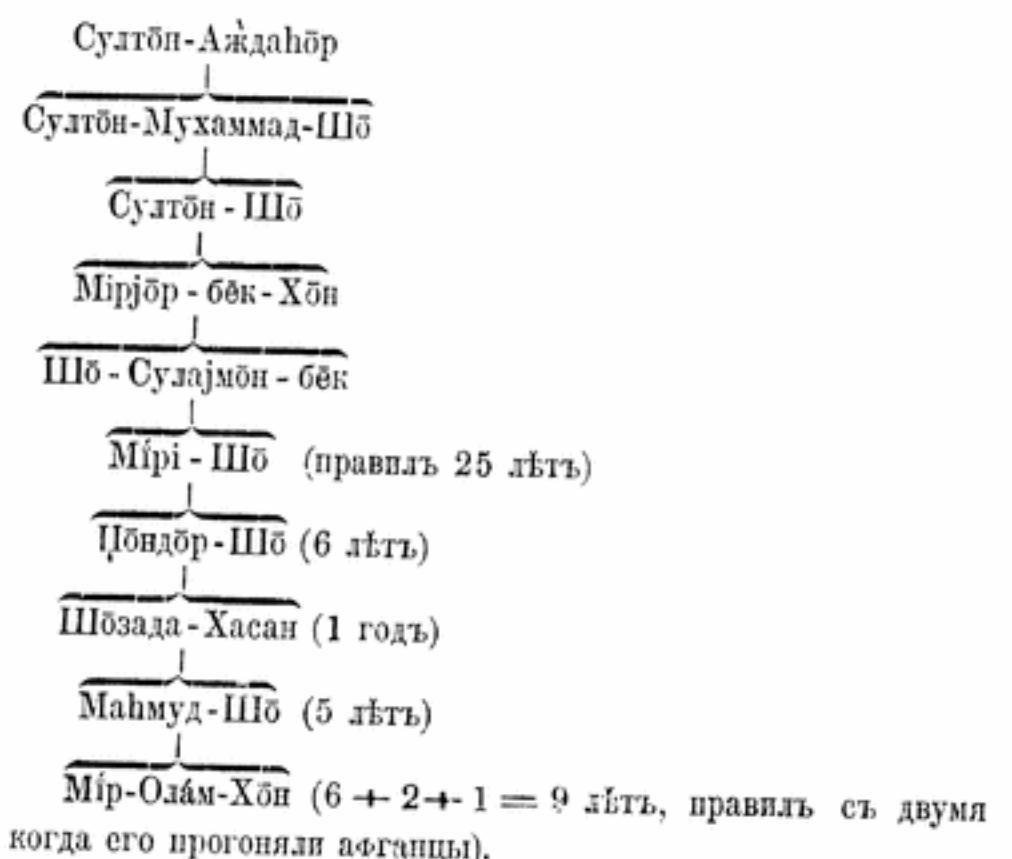
Султн - Ажданбр.

Мухаммад - Шб

Искандеръ-Ханъ проживаетъ въ Ишкашимъ, Шбзада-Цаһангир и Бобо-бек въ Кабулѣ.

Таблица царствовавшихъ миравъ.

Миры Вахана также подчинялись Бадахшану, но были, повидимому, самостоятельныe Ишкашимскихъ и сохранили наследственность престола. Платили они дань людьми (мушкими и женщинами) такъ же, какъ «ша» Шугнана и меҳтары Читрала. Послѣдне, впрочемъ, отдавали своихъ подданныхъ въ Бадахшанъ потому, что приходились сродни Бадахшанскимъ мирамъ съ давняго времени (به طریق دوستی). Существуетъ повѣrie, что Ваханъ въ древнєе вѣка, при Соломонѣ, былъ мѣстомъ изгнанія для разныхъ дивовъ, пари и прочихъ духовъ, прогнавшихъ чѣмъ-либо Соломона

и изгнанныхъ имъ сюда въ заточеніе изъ другихъ странъ. Миры Вахана жили въ Кала-и-Пянджѣ. Сынъ-же, братъ или другой родственникъ мира назначался имъ правителемъ въ Хандуст. Во время Бадахшанского владычества Ваханъ дѣлился на четыре «сада»: Сад-Іштираг, Хандуд (или Хандуст), Спіш и Сархад.

По отзывамъ течерешнихъ Ваханцевъ, миры ихъ правили въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

میر مسکة	— Mip Maska.
میر جیتا	— Mip Hajjo.
میر مہدی	— Mip Mahdi
میر منصور	— Mip Mansur
شاہ جہان	— Шб Ценоп
جهان خان	— Ценоп Хан
فتح علی شاہ	— Фатн Алі Шб
علی مردان شاہ	— Алі Мардан Шб.

Каждый изъ нихъ былъ сыномъ своего предшественника. Когда Афганцы заняли Бадахшанъ, Абдурахманъ-Ханъ вызывалъ Алі-Мардан-Ша въ Кабулъ; но тотъ, боясь казни, каковой уже подверглись некоторые другие изъ бывшихъ Таджикскихъ правителей, бѣжалъ пѣ Шікаман (на картахъ «Ишкаманъ», въ англійскихъ предѣлахъ). Одинъ Ваханецъ, по имени Мулла-Ашур, поскакалъ въ Кабулъ и доложилъ Абдурахманъ-Хану о случившемся; онъ такъ понравился эмиру, что тотъ назначилъ его напомъ въ Ваханъ. Попытки Алі-Мардан-Ша восстановить свою власть въ Ваханѣ окончились всѣ неудачами и вызывали всякий разъ со стороны Афганцевъ жестокія репрессіи. Мулла-Ашур умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и теперь должность Ваханского напома перешла къ его сыну.

II.

Остатки прежняго общественного строя.

Въ древнее время жители Ишкашима, Зебака и Вахана дѣлились на касти, и слѣды этого строя остались и попынѣ. Такъ въ Афганскомъ Ишкашимъ въ селеніи Турбат живутъ потомки лицъ духовной касти, сейиды, которые до сихъ порь вступаютъ въ бракъ только со своими односельчанами; въ другихъ селеніяхъ жители Турбата исполняютъ обязанности имамовъ и учителей. Говорятъ они все по персидски и даже подъ Афганскимъ владычество пользуются льготами въ платежѣ податей; по официальному Афганскому писценню, ихъ 20 домовъ; на самомъ дѣлѣ до 30.

Военную аристократію составляли акбірѣ (أکبران) отъ أکبر, пріуроченные теперешнимъ строемъ на обоихъ берегахъ Пянджа къ остальному населенію, но сохранившіе въ сознаніи народа; они встречаются въ разныхъ селеніяхъ, по иѣхъ сколько домовъ въ каждомъ. Въ Зебакѣ селеніе Нічум состояло сплошь изъ акбірѣ. При завоеваніи края Афганцами они всего болѣе яростно отставали свою независимость и поэтому пострадали сильнѣе другихъ классовъ населенія; они лишились всѣхъ своихъ старинныхъ привилегій, и Афганцы обложили именно ихъ и потомковъ ихъ самыми тяжелыми налогами. Въ прежнее, до-афганское время, они не платили податей, но были обязаны выходить вооруженными на войну по призыву правителя; дочерей своихъ они не выдавали замужъ за людей, обложенныхъ податями, гордились своимъ происхожденіемъ и заслугами предковъ и слѣдили за своей генеалогіей. Однѣ изъ домовъ акбірѣ до сихъ порь знаетъ имя своего родоначальника, иѣкоего Бурѣ²⁾. Глава другого

такого дома акбірѣ (въ 1902 году въ селеніи Нут) считалъ себя настолько знатиѣи своихъ сосѣдей, что предпочелъ выдать свою дочь за пріѣзжаго торговца, хаджи изъ Оша, скорѣе чѣмъ за кого-либо изъ нихъ. «Хотя бы и за сарга ее выдали», говорилъ онъ: «да ни за кого изъ васть». Наўкар, или акбірѣ, имѣли особыя тарханныя грамоты, откуда пошло ихъ прозвище тарбони, въ смыслѣ людей, пользующихся привилегіями. Свое потомственное званіе они получили въ разное время, и бывали, напримѣръ, случаи, когда миръ жаловалъ кому-нибудь грамоту на званіе акбірѣ, выдавая за него свою дочь, и потомство этого лица пользовалось чѣмъ же правами, какъ и остальные члены сословія.

Существовала также каста «слугъ» (чбкар — چکار); именемъ ихъ называется и теперь одна мѣстность, откуда селеніе уже исчезло, и где остались только поля. Въ селеніи Чбкар жили такие «слуги», на обязанности которыхъ лежало охранауліваніе войска во время похода, а также поставка прислути правителямъ. Земли чбкар'овъ были разбросаны по разнымъ селеніямъ, и въ настоящее время эта каста, смѣшившись съ остальными жителями, не только не составляетъ отдѣльной единицы, но, по большей части, забыла свое происхожденіе. Такое же селеніе, съ чѣмъ же называлось Чбкар, но съ болѣе сохранившимся традиціями, существуетъ въ Зебакѣ; въ этой странѣ и понынѣ удержалось дѣление на арбобства, существовавшее раньше и въ Ишканишмѣ. По этой административной системѣ, на семь арбобствъ приходится одно, называемое Чбкар, и хотя селенія, входящія въ составъ его, разбросаны между другими населенными пунктами Зебака, принадлежащими къ другимъ арбобствамъ, они чѣмъ не менѣе составляютъ одно арбобство; очевидно, этотъ пережитокъ старого строя указываетъ на прежний порядокъ, по которому каждая каста имѣла свое отдѣльное управление.

Во времена вассального подчиненія Бадахшану, подати взимались слѣдующимъ образомъ: осенью каждый домъ платилъ правителью по одной веревкѣ, одной подковѣ и одному куску бычачьей шкуры на пару «чаруковъ» (мѣстная обувь). Правитель имѣлъ также право требовать два раза въ годъ доў-доў, т. е. уплаты налога въ размѣрѣ одного шерстяного халата съ четырехъ домовъ, халата, либо синтаго, либо въ кускѣ, смотря по требованію. Кроме того хозяева каждого дома въ Ишканишмѣ должны были по очереди являться къ миру и служить ему сутки до прихода сѣмы. Являясь къ правителью, они должны были приносить одного баранка, одинъ мѣниочекъ муки, мѣрой въ два «серва», одну чашечку молока къ чаю (چوکاتык), одну чашечку масла, одинъ кусокъ сала для освѣщенія (روغن جراغ).

и два ослиныхъ вьюка дровъ. Жена принималась печь хлѣбы изъ привезенныхъ припасовъ, мужъ разводилъ огонь, посыпалъ воду и проч.

2) Имя, очевидно, тюркскаго происхожденія (عورى — волкъ).

Для отсылки дани въ Бадахшанъ собиралась еще особая подать: съ каждого дома по 3 тенги и со всего Ишкашима 5 лошадей и до 5 соколовъ. Раскладка производилась по селеніямъ: такъ селенія Хірмані и Оїнгардѣ должны были вмѣстѣ поставлять одну лошадь и одинъ доў-доў.

Въ Ваханѣ податное сословіе тоже платило по одной веревкѣ, одной кожѣ на пару обуви, одной подковѣ, одной чашкѣ масла, одному баарану и одному мѣшку хлѣба. «Тарѣбонъ» же, т. е. классъ привилегированныхъ людей болѣе благороднаго происхожденія, въ Ишкашимѣ освобожденные отъ податей, въ Ваханѣ платили по одной головѣ рогатаго скота или по два халата.

Въ Ишкашимѣ и сосѣднихъ странахъ встрѣчаются еще рабы, т. е. люди, купленные за деньги въ Афганистанѣ. Ихъ называютъ хызматгбр. Человѣкъ же, служащій за деньги, наемникъ, называется јатім³⁾.

Пережиткомъ старинныхъ обычаевъ являются также воззрѣнія на честь и безчестіе. Послѣднее причиняется выбириваніемъ сухой головы (не смоченной водою). Такъ, напримѣръ, во время восстанія, вспыхнувшаго около пятнадцати лѣтъ тому назадъ въ Бадахшанѣ, вслѣдствіе ложнаго слуха о смерти Абдуррахманъ-Хана, къ Бадахшанцамъ, понадѣявшимся избавиться отъ афганскаго ига, примкнули другія горныя племена. Среди Шугнанцевъ иѣкій Худа-Назар (خواجہ نظر) остался вѣренъ Афганцамъ и не соглашался на уговоры сородичей присоединиться къ возставшимъ. Тогда ему выбрали голову бритвой, не смачивая волосъ, и, опозоривъ его такимъ образомъ, посадили на кобылу, привезли изъ Ишкашима, гдѣ онъ тогда находился, въ Шугнанъ, и бросили въ Пянджъ, привязавъ ему камень къ поясу.

III.

Обычаи, обряды и повѣрія.

1. По случаю рожденія.

Рожденіе сына у людей состоятельныхъ сопровождается праздникомъ, но у бѣдняковъ это бываетъ только въ честь первенца; если родилась дѣвочка, хотя бы она была первымъ ребенкомъ въ семье, тута (بُرْجَى — прішество) не бываетъ. Если родился мальчикъ, а отецъ въ это время въ отлучкѣ, то къ нему бѣжитъ «вѣстникъ радости» (міждагбр) объявить о произшедшемъ, и отецъ долженъ дать ему за это подарокъ.

Когда по селенію разнеслось извѣстіе о рожденіи мальчика, къ его родителямъ въ домъ собираются знакомые: мужчины и женщины. Первые читаютъ молитву о благополучіи новорожденнаго и приносятъ каждый по небольшому луку (хас-тірык) съ красной тетивой и сильно загнутыми (почти кольцомъ) концами. Вместо стрѣлы въ луку прикреплено маленькое деревянное изображеніе сабельнаго клинка. Эти лучки привѣшиваются къ веревкѣ, протянутой надъ роженицей отъ стѣны до стѣны, и оставляются такимъ образомъ семь дней. Потомъ ихъ собираютъ и вѣшаютъ еще на семь дней на колышки, вбитые въ стѣну; затѣмъ ихъ выносятъ изъ дома и привязываютъ къ какому-нибудь дереву, гдѣ ихъ уже оставляютъ навсегда.

Такіе лучки приносятъ только мужчины; женщины же запасаются мукой, которой обсыпаютъ одѣяло роженицы и стѣны дома, приговаривая: муббрақ вѣні (будь благословенна), но молитвъ онѣ не читаютъ. Если родилась дѣвочка, то въ домъ къ родителямъ приходятъ только женщины; обряды онѣ соблюдаютъ тѣ же, что и при рожденіи мальчика.

Существуетъ также обычай какъ въ Ишкашимѣ, такъ и въ смежныхъ съ нимъ странахъ, что друзья и родственники приходятъ къ дому, гдѣ родился сынъ, и стрѣляютъ изъ ружей; отецъ новорожденнаго предлагаетъ имъ угощеніе.

3) Отъ арабскаго *جِنِيمٌ* — сирота.

2. По случаю свадьбы.

Сыновей въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, женятъ въ Ишкашимѣ только богачи. Временемъ наступленія половой зрѣлости считается 15 лѣтній возрастъ. Бѣдняки же, не имѣя возможности собраться съ силами и отпраздновать свадьбу именно тогда, когда сынъ только еще становится работникомъ, женятъ его, по большей части, позднѣе, лѣтъ 15 — 20.

До формального сватовства отецъ жениха, обыкновенно, сговаривается вѣдѣній съ отцомъ невѣсты. Въ случаѣ согласія послѣдняго на свадьбу, приступаютъ къ открытому сватовству. У отца жениха пекутъ лепешки, которыхъ онъ затѣмъ несетъ въ домъ невѣсты; сопровождаетъ его сватъ, всего чаще человѣкъ пожилой, находящійся въ родствѣ съ семьей невѣсты. Придя въ домъ къ ней, они подносятъ свои лепешки, а затѣмъ до вечера проводятъ время въ бесѣдѣ съ хозяевами и за угощеніемъ. Вечеромъ же, а иногда только на слѣдующее утро, если ихъ упросили остататься ночевать, сватъ заводитъ рѣчь о цѣли посѣщенія. Когда родители невѣсты изъявили свое согласіе, зажигаютъ куреніе на очагѣ и читаютъ молитву, послѣ чего отецъ жениха и сватъ уходятъ. Спустя нѣкоторое время отецъ жениха снова идетъ къ отцу невѣсты и заявляетъ о выбранномъ имъ времени для свадьбы; тутъ же они условливаются о вѣнѣ, рядятся.

Вѣно никогда не выплачивается скотомъ; состоить оно, главнымъ образомъ, изъ кусковъ бумажныхъ матерій, кола, причемъ счетъ имъ ведется на «девятки» (۹)، т. е. девять по большей части однородныхъ предметовъ принимаются за единицу счета. «Девятка» бумажныхъ тканей (самый употребительный товаръ при уплатѣ вѣна) состоитъ изъ девяти кусковъ матеріи длиною каждый въ 12 аршинъ и шириной въ $\frac{1}{2}$ аршина. У бѣдныхъ даютъ за девушки отъ 4 до 7 девятокъ, у людей состоятельныхъ до 15. На богатыхъ свадьбахъ прибавляютъ къ тканямъ еще разныя вещи для домашняго обихода, напр.: одѣяла, войлоки, чашки, чайники, блюда и т. п., но принимая опять таки девять штукъ за единицу счета. Кроме того, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, въ составъ вѣна входятъ въ разныхъ количествахъ бараны туши, яхнѣ.

За покупкой главной составной части вѣна, бумажныхъ матерій, отецъ жениха и отецъ невѣсты ёдутъ вмѣстѣ либо въ Бадахшанъ, либо въ Шугнанъ, туда, где имѣется бозоръ, т. е. дѣй-три лавки въ одномъ мѣстѣ. За два дня до свадьбы въ домъ жениха созываютъ нѣсколькихъ стариковъ, и хозяинъ совѣтуетъ съ ними для выбора лучшаго изъ кусковъ купленной матеріи, каковой и посыпаютъ въ домъ невѣсты вмѣстѣ съ тушей барана. Этотъ обычай называется пішбнѣ («на показъ», «на образецъ», отъ *شان*).

во время его совершенія соблюдается кынбра, т. е. передъ тѣмъ человѣкомъ, который несетъ дары, идеть другой и кричить: кынбра, кынбра (*قىنبرا*), «въ сторону, въ сторону!», дабы встрѣчные сторонылись. Хотя это дѣлается, главнымъ образомъ, во избѣженіе встрѣчи съ людьми, приносящими несчастіе, но при нѣшбнѣ считается дурной примѣтой встрѣтить кого-бы то ни было⁴⁾). Посыпаемая матерія идетъ на шитье приданаго, а мясо на свадебное угощеніе.

Послѣ отправки нѣшбнѣ начинаютъ готовиться въ свадебному пиру. Въ домѣ жениха собираются родственники и знакомые, устраивается сарраспа⁵⁾ и пр. Родственники невѣсты собираются только у нея и въ домѣ жениха не появляются.

Въ назначенный счастливый часъ (о выборѣ его заранѣе справляются у муалль) поѣзжане (исключительно мужчины) отправляются за невѣстой, распѣвая пѣсни подъ аккомпанементъ бубновъ. Въ поѣздѣ бываютъ и пышіе, и конные; послѣдніе считаются украшеніемъ и гордостью поѣзда, но дорого обходятся хозяину, который долженъ кормить ихъ лошадей. Вѣно везется вмѣстѣ съ поѣздомъ. Поѣзжане не ёдуть прямо въ домъ къ невѣстѣ, а останавливаются гдѣ-нибудь у ея сосѣдей, куда къ нимъ является колін-бур (относящий вѣно — *قالبىن بىر*); послѣдняго посыпаютъ изъ дома невѣсты проверить количество и качество вѣна. Ему надѣваютъ халатъ и повязываютъ голову кускомъ матеріи для чалмы (*چەلەم*), послѣ чего онъ возвращается въ домъ невѣсты и заявляетъ, что вѣно въ исправности. Послѣ этого поѣздъ движется дальше. Когда до дома уже недалеко, женихъ садится на спину одного изъ друзей, и они первые подходятъ къ дверямъ. Одинъ изъ родственниковъ невѣсты держитъ дверь запертої и открываетъ ее только послѣ выкупа, который ему даютъ въ видѣ одного куска бумажной матеріи.

Когда дверь отворена, женихъ встрѣчаетъ одна изъ родственницъ (обыкновенно тетка) невѣсты, держа въ одной руцѣ чашку съ молокомъ съ подбавленнымъ въ него масломъ, а въ другой лепешку хлѣба. Женихъ, все еще сидя на спинѣ приятеля, отламываетъ кусочекъ лепешки, обмакиваетъ его въ молоко, кладетъ въ ротъ и запиваетъ молокомъ. Женщина, обыкновенно жена того человѣка, который держалъ дверь, получаетъ свою долю изъ отданныаго ему выкупа. Кроме того дѣй-невѣсты съ материальной

4) Ишкашимцы и сосѣди ихъ, а также и Хуфцы, дѣлятъ людей на два разряда: далѣтдбр (счастливый, приносящій счастіе *دولت دار*) и бѣдалшат (несчастливый, не приносящий счастія *بى دولت*).

5) Для этого привязываютъ козла, и всадники стрѣляютъ въ него на скаку съ извѣстнаго разстоянія; наиболѣе ловкие стрѣлки получаютъ призы.

стороны дают перед свадьбой *haki shir* (حق شیر), состоящий из одежду; 20 аршинъ чалмы (دستار), двухъ платковъ, одной пары галошъ, одной пары серегъ и одной большой бараньей туши. Онъ также выбирает себѣ одну изъ лошадей поѣзжанъ и одно ружье.

Затѣмъ всѣ входятъ въ домъ и усаживаются. Начинается угоженіе, а съ наступленіемъ счастливаго часа (также заранѣе опредѣленнаго знающими людьми) приступаютъ къ совершенію брачнаго обряда (كع). Муллѣ подаютъ воды въ чашкѣ, на которой положена скалка (онъ сидя опирается на нее, такъ что она, очевидно, изображаетъ посохъ) и поверхъ скалки нѣсколько аршинъ матеріи, которые поступаютъ въ пользу муллы. Чашка послѣ обряда также становится его собственностью. Одинъ изъ присутствующихъ подноситъ воду по три раза сначала жениху, потомъ невѣстѣ, и они каждый разъ пьютъ изъ чашки; послѣ этого человѣкъ, подношившій ее, называется падар-хѣн въ отношеніи молодыхъ, т. е. нареченный отецъ, хотя онъ, обыкновенно, бываетъ совсѣмъ молодымъ, но всегда женатымъ.

Послѣ заключенія брака молодую чету усаживаютъ въ особомъ мѣстѣ у очага, отгороженномъ низенькими стѣнками и называемомъ чут-рѣж, где происходитъ слѣдующая сцена. Существуетъ повѣрье, что въ семейной жизни будетъ первенствовать тотъ изъ супруговъ, который послѣ брачнаго обряда сѣлъ послѣднимъ; поэтому долгое время ни одинъ изъ нихъ не хочеть сѣсть, и друзья каждого уговариваютъ его перестоять другого. Наконецъ, когда они сговариваются садиться одновременно, парни, пріятели жениха, и дѣвушки, подруги невѣсты, прибѣгаютъ ко всяkimъ уловкамъ, чтобы обмануть другую сторону; въ дѣло вмѣшиваются старики, наскучившіе ихъ криками и возней, приходить и бранить молодежь; но и послѣ этого каждая изъ сторонъ увѣряетъ, что она провела другую.

Если домъ новобрачнаго неподалеку, то всѣ отправляются туда; въ обратномъ случаѣ остаются ночевать у молодой въ нарочно отгороженномъ углу. Если рѣшено идти въ домъ къ молодому, то зовутъ того дядю невѣсты (хўлук), который получилъ *haki-shir*, и спрашиваютъ, что онъ даетъ племянницѣ; тогда онъ даритъ ей изъ числа полученныхъ имъ предметовъ галоши и серьги. Когда сборы кончены, одна изъ женщинъ беретъ муки, которой кидаетъ три раза въ отверстіе въ крыщѣ (дымовое), а затѣмъ, крича кынбра, бросаетъ ею-же по разу надъ дверью и по ед. бокамъ и по тѣмъ-же тремъ сторонамъ второй двери изъ передней (арам), послѣ чего выбѣгааетъ наружу. Всѣ гости выходятъ вслѣдъ за ней, и въ домъ съ молодыми не остается никого, кромеъ своихъ. На очагѣ разведено куреніе; молодая подходитъ къ нему, притрагивается рукой какъ можно ближе къ тому мѣсту, где дымится куреніе, и подноситъ эту руку къ губамъ, затѣмъ ко лбу; взявъ щепотку золы изъ очага, она опускаетъ ее себѣ за головище.

санога. Молодой прощается съ родителями жены, поднося ихъ руки къ своему лицу (цѣлуя ихъ или дѣлая видъ, что цѣлуетъ), и выходитъ съ женой. Дядя молодой подводитъ лошадь, выбранную имъ изъ حق شیر. Вмѣстѣ съ новобрачной везутъ ея приданое, состоящее изъ одѣяль и войлоковъ; ихъ обязываютъ нѣсколькими (2–3) аршинами матери, которые даются въ награду принесшимъ вѣно. Везутъ также и съѣстные припасы (хлѣбъ, баурсаки⁶⁾ и т. д.), такъ какъ считается, что первые семь дней въ домѣ мужа молодая должна жить на собственномъ иждивеніи, родители даютъ ей на это также масло, муку, довольно большой кусокъ соли и свѣтильникъ (جراغدان). Одинъ изъ молодыхъ ея родственниковъ, называемый въ данномъ случаѣ چلاش-гір'омъ (جلوگیر), ведетъ подъ уздцы ея лошадь. Молодой ёдетъ впереди жены. Пѣвицы поютъ:

* ای شاه مبارک باد ای * پادشاه مبارک باد ای *

Музыканты колотятъ въ бубны. Подходя къ дому, поютъ:

* خوش آمدی ای * خوش آمدی ای
* مهمان من ای * خوش آمدی ای * в т. п.

Когда новобрачные подѣзываютъ къ дому, одна изъ женщинъ, живущихъ въ немъ, выноситъ чашку молока съ масломъ (но безъ хлѣба), чтобы отпила изъ нея молодая. Но послѣдняя не соглашается слѣзть съ лошади, и ее заманиваютъ обѣщаніями, въ родѣ того, напр., что такая-то корова будетъ считаться ея собственностью; тогда она слѣзаетъ, отпиваетъ молока или, обмочивъ въ пемъ палецъ, подноситъ его ко рту. Женщинѣ, поднесшей ей чашку, молодая даритъ кольцо, заранѣе у нея для этого прінесенное въ особомъ мѣшочкѣ. Засимъ кто-нибудь беретъ ее на спину и вноситъ въ домъ; обыкновенно, это дѣлаетъ جلوگیر, если только онъ не вернулся къ себѣ домой съ полдороги, получивъ свой амал (вознагражденіе). Когда новобрачную подносятъ къ двери дома, то на порогѣ передъ ней рѣжутъ барана, затѣмъ оттаскиваютъ тушу, и тогда только ей можно войти. Слѣдомъ за молодой стекаются въ домъ сосѣдки, и каждая изъ нихъ кидаетъ мукой (что вообще служитъ знакомъ благоволенія) сначала въ отца новобрачнаго, поздравляя его при этомъ, потомъ въ мать, въ молодого и въ молодую; послѣ этого по разу кидаютъ мукой въ стѣну. Новобрачную сажаютъ въ чут-рѣж;

6) Тѣсто, нарѣзанное кусочками и испеченное въ кипящемъ маслѣ.

пое́зжане размѣщаются на остальныхъ нарахъ. Имъ даютъ угощеніе, а молодые въ своемъ углу также ёдятъ, но отдельно другъ отъ друга; мотодая и на этотъ разъ не соглашается приняться за пищу прежде, чѣмъ получить какой-нибудь подарокъ отъ свекра. До этого времени она завѣшана покрываломъ, и только послѣ того, какъ ее посадили въ домъ свекра, нареченный отецъ, падар-хбн (тотъ, который предлагаетъ ей воду во время бракосочетанія) открываетъ ей лицо той скалкой, которая была въ рукахъ мудды во время обряда брака. При этомъ падар-хбн даритъ молодой платье (сар-тѣ-пѣ) и корову. Затѣмъ развязываютъ сѣстрические припасы, привезенные вмѣстѣ съ новобрачной, и раздаютъ ихъ всѣмъ присутствующимъ женщинамъ, которая вслѣдь за этимъ уходятъ.

На другой день послѣ свадьбы молодой присыпаютъ изъ дома отца чашку шурпы (нбрї), если разстояніе между домами небольшое, а въ обратномъ случаѣ — тушу барава. Спустя четыре дня, оттуда же присыпаютъ большую деревянную чашку (нблѣн) съ тѣстомъ, замѣшенному на маслѣ, маленькую чашку съ тѣмъ же тѣстомъ, уже испеченнымъ (эта чашка предназначается специально для молодой) и еще тушу большого барава.

Впродолженіе первыхъ семи дней новобрачная живетъ въ своемъ отдѣленіи, не выходя наружу (кромѣ какого-нибудь экстренного случая). Эти семь дней она проводитъ все время въ присутствіи своей мѣдар-і-шір (مادر شیر). Хотя за это время мужъ и спить вмѣстѣ съ женой, но до истеченія семи-дневнаго срока не вступаетъ съ ней въ половыя сношенія. Если же мужъ не сдержался, его поведеніе осуждается другими, которые говорятъ: «эдакій нетерпѣливый (صبر), не могъ даже дождаться, пока уйдетъ мѣдар-і-шір!» Послѣ семи дней молодую навѣщають ея родители и приносятъ съ собой въ видѣ подарка сѣстрические припасы и матерію. Передъ ихъ приходомъ является посаженый отецъ (پدر عروس) или پدر خوان (пдер-хван) съ женой, которая моетъ новобрачной голову.

Если выходитъ замужъ вдова, то не бываетъ ни подношенія ей мужа, ни упрашиванія, ни подарковъ.

Когда у женщины умираетъ одинъ мужъ за другимъ, и если она схоронила такимъ образомъ больше четырехъ (иногда до семи), ее называютъ шұхыр (муже́дица — شوخر⁷). Для того чтобы отклонить отъ себя тяготѣющій надъ ней рокъ, она подходитъ къ какому-нибудь дереву и обнимаетъ его три раза, приговаривая щопотомъ: «о дерево, ты мой мужъ». Дерево должно послѣ этого засохнуть, и этимъ слѣдующій мужъ избавляется отъ опасности умереть. Въ Ишкашимѣ женщина продѣлываетъ это потихоньку, въ одиночествѣ, а не публично, какъ это бываетъ въ Хуфѣ.

7) Въ Бадахшанѣ такая женщина называется сіја-бблїн (черная подушка).

3. По случаю смерти.

Въ случаѣ чьей либо смерти стараются какъ можно скорѣе извѣстить обѣ томъ родныхъ и знакомыхъ покойника (къ тѣмъ, кто живетъ въ другихъ селеніяхъ, посыпаютъ гонцовъ), и они спѣшатъ собраться въ домъ скончавшагося захвативъ съ собой по куску матеріи или что-нибудь изъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Матерію въ количествѣ, потребномъ на шитье савана, кладутся на покойника; послѣдующія же приношенія складываются рядомъ съ нимъ и идутъ на хозяйство. Изъ нихъ же дается вознагражденіе тому, кто читаетъ коранъ падъ мертвѣцомъ. Приношенія продуктами прямо относятъ въ кладовую. Покойника никогда не оставляютъ долго непогребеннымъ: если онъ умеръ въ полдень или раньше, его хоронятъ въ тотъ же день, если подъ вечеръ, то на слѣдующее утро.

Часть родственниковъ, побывавъ недолго въ домѣ, отправляется рыть могилу, причемъ роютъ ее до той или иной глубины, въ зависимости отъ того, предстоитъ ли хоронить мужчину или женщину. Съ покойника снимаютъ мѣрку, и если скончалась женщина, то глубина могилы равна разстоянію отъ ногъ по грудь; если мужчина, то — по поясъ; для мальчиковъ роютъ могилу глубиной, по крайней мѣрѣ, въ одинъ аршинъ, хотя бы по росту покойника и выходило меньше. Дно и бока могилы выкладываютъ камнями. Когда могила готова, ее покрываютъ сверху однимъ, двумя или тремя плоскими камнями, оставляя съ одного конца отверстіе, черезъ которое и пропускаютъ тѣло. Одинъ человѣкъ влѣзаетъ въ могилу, провѣряетъ правильность положенія покойника и разставляетъ въ опредѣленныя мѣста куски сухой глины, называемые кулұх'ами. Такихъ кусковъ кладется пять, все подъ саванъ: по одному съ каждой стороны головы у ушей, по одному въ ладони обѣихъ рукъ и одинъ между ногами. Значеніе этого обычая толкуется различно. Одни изъ горцевъ говорятъ, что кулухи обозначаютъ ангеловъ (منکر و نکیر); большинство же утверждаетъ, что они служатъ для отстраненія савана отъ тѣла изъ опасенія, какъ бы руки покойника при постепенномъ ссыханіи не захватили савана. Существуетъ повѣrie, что если это случится, то въ домѣ покойника пачнутъ умирать одинъ за другимъ остальные члены его семьи. Когда на самомъ дѣлѣ бываютъ такие послѣдовательные случаи смерти въ одномъ и томъ-же домѣ, разрываютъ могилу того, кто умеръ раньше другихъ, и тщательно расправляютъ его саванъ.

Тѣло покойника кладутъ въ могилѣ на спину: ногами къ югу, головой къ сѣверу, лицомъ на право, въ сторону Каабы (القبلة); бадахшанцы хоронить наоборотъ, ногами къ сѣверу, головой къ югу, но лицомъ также повернутымъ къ Каабѣ, слѣдовательно, на лѣво. Если умершій былъ музыкан-

томъ, то иногда вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ могилу инструментъ, на кото-
ромъ онъ игралъ.

Когда тѣло положено въ могилу, оставшееся отверстіе закладываютъ камнемъ и могилу засыпаютъ. Сначала ближайшіе родственники, а послѣ нихъ и остальные присутствующіе кидаютъ на нее каждый по 3 лопатки земли. При наступленіи ночи на могилѣ въ ногахъ у покойника раскладывается костеръ изъ сухого скотскаго помета; огонь тлѣтъ всю ночь и долженъ отпугивать хищныхъ звѣрей (волковъ, лисицъ), которые могли бы иначе разрыть могилу; съ этой же цѣлью посыпаютъ вокругъ могилы порохомъ, полагая, что звѣри боятся его запаха; бросаютъ также немного пороха въ огонь.

По возвращеніи съ похоронъ, участвовавшимъ въ нихъ предлагается угощеніе изъ блюдъ, принесенныхъ родственниками и знакомыми умершаго. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней они же приносятъ пищу тѣмъ, кто живеть въ домѣ, гдѣ покойникъ скончался, такъ какъ за это время въ томъ домѣ пищи не готовятъ. Спустя семь дней послѣ похоронъ, окружаютъ рядомъ камней могильный холмъ, чтобы онъ не развалился, и обмазываютъ его глиной; при этомъ съ восточной стороны холма дѣлаютъ небольшую нишу, гдѣ по большимъ праздникамъ зажигаютъ бѣж (курение). Одинъ изъ участниковъ въ похоронахъ, по возвращеніи въ домъ покойника, брѣтъ головы живущимъ тамъ мужчинамъ, а женщины, собравшись со всего селенія, моютъ накопившееся въ домѣ грязное бѣлье, а также одежду, оставшуюся послѣ покойника. Затѣмъ хозяева устраиваютъ угощеніе: мужчинамъ и женщинамъ порознь, послѣ чего жизнь опять вступаетъ въ нормальныя условія.

Трауръ выражается въ ношеніи одежды темнаго цвѣта, иногда по-просту старой и грязной; стараются избѣгать бѣлый цвѣтъ, а также чистое или новое платье. Обыкновенно, трауръ длится очень недолго: отъ одной до двухъ недѣль; выражается онъ главнымъ образомъ тѣмъ, что обматываютъ голову и подпоясываются матеріей соответственнаго цвѣта; къ сожалѣнію, не удалось выяснить, какой именно цвѣтъ считается въ Ишкашимѣ по преимуществу траурнымъ, такъ какъ горецъ, съ чьихъ словъ это записано, говорилъ савз (ساز), т. е. зеленый, а показывалъ при этомъ на малиновый. Въ Ваханѣ мужчины обматываютъ голову голубоватымъ платкомъ; трауръ носятъ по очень близкомъ лицѣ: братъ, отцѣ, матери, сынъ (но не дочери); по женѣ мужъ надѣваетъ трауръ только если жена ему очень нравилась, была хороша собой; если же она была стара, то траура не носятъ.

Если окажется, что въ одномъ и томъ же селеніи одинъ человѣкъ въ глубокомъ траурѣ (напр. по сыне, умершемъ въ расцвѣтѣ лѣтъ), а другой собирается дать пиръ (туj) по случаю какогос-нибудь счастливаго события,

то, обыкновенно, праздникъ на время откладывается, а затѣмъ тотъ, кто хочетъ его устроить, идетъ къ тому, кто въ траурѣ, и проситъ у него разрешенія на устройство пира, держа рѣчь, приблизительно слѣдующаго содержанія: «о братъ, мы думаемъ устроить твой; что ты скажешь? Если ты не согласенъ, то его не будетъ. Не тужи, все на свѣтѣ мѣняется: сегодня у насъ пиръ, у тебя смерть; завтра у насъ смерть, у тебя пиръ.» Въ отвѣтъ изъявляется согласіе на твой, и когда угощеніе готово, идутъ за человѣкомъ въ траурѣ, приводятъ на пиръ, обматываютъ ему голову бѣлой чалмой и, усадивъ его, даютъ въ руки бубенъ, въ который онъ несколько разъ удѣляетъ, очевидно, выражая этимъ свое участіе въ весельѣ; затѣмъ теряется въ толпѣ гостей и, посидѣвъ немного съ ними, послѣ юбы потихоньку уходитъ домой. Когда срокъ траура кончается, то (въ Ваханѣ) родственники и знакомые собираются къ тому, кто въ траурѣ, приносить ему подарки одеждой и сѣйственнымъ, брѣютъ ему голову (которой онъ во время траура не брилъ), одѣваютъ его въ новыя одѣжды и ёдятъ съ нимъ принесенную пищу. Затѣмъ хозяинъ въ ознаменованіе конца траура рѣжетъ баана и угощаетъ гостей, которые послѣ этого расходятся ⁸⁾.

Среди мужчинъ, какъ въ Ишкашимѣ, такъ и въ окрестныхъ долинахъ, случаи самоубийства сравнительно рѣдки, среди женщинъ они гораздо чаще. Большой частью ихъ вызываютъ преслѣдованія, испытываемыя невѣстками отъ свекровей (бывали случаи самоубийства отъ страха передъ упреками свекрови за разбитую посуду) или же обнаруженіе любовной связи. Смерти ищутъ разными способами: топятся, вѣшаются, кидаются со скаль. Существуетъ повѣrie, что въ случаѣ самоубийства «грѣхъ» за него падаетъ на человѣка, притѣсненія коего довели жертву до юбы, и мучиться за грѣхъ будетъ притѣснитель. Такимъ образомъ, самоубийство является скорѣе местью, чѣмъ проявленіемъ отчаянія.

4. Семья, родственные чувства, раздѣлы, порядокъ наслѣдованія, хозяйство, посты, уборка.

Вообще у горцевъ въ верховьяхъ Пянджа родственные чувства сильно развиты. Напр., въ случаѣ написенія юбы, за потерпѣвшаго вступаются его родственники; если на кого-нибудь наложенъ штрафъ или пена, то род-

8) Въ Дарвазѣ существуетъ обычай послѣ смерти близкаго человѣка ставить каждое утро въ домѣ жаровню съ особой травой (не іспанд, употребляемая обыкновенно для куреній) и курить се въ честь умершаго. Если покойникъ былъ очень почтенный человѣкомъ, или если память его особенно дорога, то продолжаютъ это дѣлать иногда цѣлый годъ; въ другихъ случаяхъ только недѣлю или двѣ. Этотъ обычай, называемый буй, въ Ишкашимѣ не соблюдается.

ственники же помогают при выплате, производя раскладку между собой. Перед началом какого-бы то ни было дела затевающий его всегда совещается с родственниками, и только тогда принимает окончательное решение.

Въ Ишкашимѣ, Ваханѣ, Горонѣ и Зебакѣ члены одной семьи стараются жить вмѣстѣ, не раздѣляясь; то же самое наблюдается и въ Шугнанѣ, кромѣ Хорога, гдѣ раздѣлы бываютъ очень часто. Какъ при жизни отца, такъ и послѣ его смерти, сыновья, по большей части, продолжаютъ жить вмѣстѣ; когда подростаютъ новые члены семьи, для нихъ пристраиваются спальни, но для обѣда и ужина всѣ собираются въ одну комнату. Если же случается, что взрослые братья расходятся и селятся порознь, то это происходитъ, главнымъ образомъ, изъ-за ссоръ между женщинами. Обыкновенно раздѣлы бываютъ только между внуками, и то если семья слишкомъ разрослась. Въ случаѣ раздѣла между братьями, домъ отца переходитъ къ младшему брату, старшій же получаетъ самый большой участокъ земли. Если остались дѣти отъ разныхъ матерей, то они получаютъ равные части наслѣдства, т. е. потомство отъ одного брака получаетъ столько же, сколько потомство отъ другого, хотя бы съ одной стороны былъ лишь одинъ ребенокъ (даже одна дочь, которая тогда называется духтарі судбی *دختر صلبی* т. е. «родная, законная (по преимуществу) дочь»), а съ другой—много дѣтей. Имущество женъ, приносимое ими съ собой въ приданое, напр. скотъ, продолжаетъ считаться ихъ собственностью; даже приходу отъ такого скота ведется особый счетъ. Обыкновенно женщина дѣлить свое достояніе между своими дѣтьми еще при жизни; въ случаѣ же смерти матери безъ распоряженій объ имуществѣ, таковое дѣлится только между ея дѣтьми, безъ участія въ дѣлѣ дѣтей другой жены. Довольно часто встречаются семьи въ 30—40 человѣкъ, въ сел. Выранг въ Ваханѣ есть семья, въ которой насчитываютъ до 116 человѣкъ; глава ея называется Мірабон (*مهرجان*); само собою разумѣется, благосостояніе и инвентарь семьи въ такомъ случаѣ соответствуютъ ея численности.

Въ Бадахшанѣ, населенномъ суннитами, существуютъ другія нормы обычнаго права при раздѣлахъ.

«Старшимъ» въ семье, где умеръ отецъ, бываетъ не обязательно старшій изъ братьевъ, а всего чаще наиболѣе смышленый и сообразительный изъ нихъ; послѣ того, какъ онъ выбранъ, ему подчиняются и старшіе братья. Въ семье бывають, обыкновенно, двѣ главы: одинъ—старшій (калбні хбна «старшій въ домѣ») остается дома, слѣдить за полевыми работами и хозяйствомъ, завѣдуетъ заготовкой одежды и обуви на всю семью; другой—младшій, подчиненный первому (мұсафід «сѣдовласый», на самомъ дѣлѣ очень часто молодой), завѣдуетъ дѣлами, требующими

отлучки, такъ сказать, *енъиними* сношеніями (کارهای بیرون میل اند), напр., ходить на совѣщанія по раскладкѣ податей, отвозить на продажу продукты домашняго производства (сыръ, шерстяная матерія, шкуры) и т. п. Все, вырученное отъ продажи, онъ представляетъ главѣ семьи. Семья одѣваетъ мұсафідъ лучше, чѣмъ прочихъ членовъ, даже лучше, чѣмъ калбні-хбна, потому что онъ, какъ говорятъ горцы: «ходить на сторону, вращается среди друзей у недруговъ нашихъ: надо, чтобы онъ ходилъ одѣтый въ хорошее платье» (در بیرون میرود در پیش دوستا و دوشمنای ما میگردد باید که جامه خوب پوشیده رود). Во всѣхъ важныхъ вопросахъ рѣшеніе принимается послѣ совѣстнаго совѣщанія обоихъ главъ. На эти должности отецъ обыкновенно назначаетъ сыновей, сообразно ихъ способностямъ, еще при жизни. Назначаетъ онъ ихъ, когда чувствуетъ себя уже не въ силахъ вести хозяйство, или даетъ на это завѣтъ передъ смертью. Если дѣти рано лишились отца и выросли безъ калбні-хбна и мұсафідъ, то они потомъ сами ихъ выбираютъ промежъ себя.

Печеніе хлѣба, молочное хозяйство, отходъ на лѣтнія пастбища (ајлбк) составляютъ занятія исключительно женскія; завѣдуетъ каждымъ изъ нихъ поочередно въ теченіе года одна изъ женщинъ въ семье. Срокъ, когда кончается одна очередь и начинается другая, совпадаетъ съ осенюю, или точнѣе съ концомъ уборки хлѣба. Тутъ происходитъ общая смена должностей; такъ молочное хозяйство переходитъ въ руки той, которая занималась, напр., печеніемъ хлѣба и наоборотъ. Старшей среди женщинъ считается свекровь; послѣ ея смерти власть ея получаетъ калбні-хбна; онъ долженъ относиться ко всѣмъ членамъ семьи съ равнымъ безпристрастіемъ, напр. къ племянникамъ такъ же, какъ къ своимъ дѣтямъ, къ женамъ братьевъ, какъ къ своей женѣ. Въ случаѣ смерти калбні-хбна, на его мѣсто избирается кто-нибудь изъ его родственниковъ (обыкновенно, братъ покойника), но, какъ уже сказано выше, не старшій по возрасту, а наиболѣе выдающейся по способностямъ.

Ячмень сѣютъ два раза въ день. Первый разъ 30 дней спустя послѣ Нового Года, причемъ сѣять каждый самъ по себѣ. Этотъ ячмень называется мартовскимъ, амалі (*امالی*). Другой разъ сѣютъ въ то время, когда въ Бадахшанѣ, Читралѣ и Шугнанѣ поспѣваетъ тутъ (шелковица). Начинаютъ посѣвъ послѣ 90-го дня отъ Нового Года (конецъ весны). Этотъ посѣвъ ячменя называется амрѣт. Отличается онъ отъ прочихъ посѣвовъ темъ, что въ работѣ участвуютъ всѣ жители селенія; они созываютъ другъ друга на «помочи» (ашар *حشر*), и по окончаніи общаго труда хозяинъ поля, ихъ угождаетъ. На слѣдующій день, или, если кончили рано, то въ тотъ же день переходитъ къ другому односельчанину и т. д. Посѣвъ этотъ длится 10 дней. Подобный обычай кромѣ Ишкашима существуетъ и въ Ваханѣ;

въ Зебакѣ его нѣть. Каждый домъ устраиваетъ «помочи» и зимой, обыкновенно три раза (а у кого мало скота, то всего одинъ или два раза) для выноски накопившагося въ хлѣбѣ коровьяго навоза на пашню, гдѣ его сваливаютъ въ кучи до весны. Первый разъ такимъ образомъ унаваживають землю, оставленную подъ посѣвъ гороха (бѣкыла), второй—подъ пшеницу, третій—подъ ячмень. Пометъ бараній и козій идетъ на топливо.

Фруктовыхъ деревьевъ, кромѣ немногихъ урюковыхъ (абрикосовыхъ) не сажаютъ; въ Ишкашимѣ, Зебакѣ и Ваханѣ нѣть даже традиціоннаго таджикскаго тута; тутовыя ягоды привозятъ въ эти страны изъ Бадахшана вмѣстѣ съ орѣхами и яблоками въ обмѣнъ на шерсть. Говорятъ, что не сажаютъ фруктовыхъ деревьевъ изъ-за сильныхъ вѣтровъ, будто бы уносящихъ весною цвѣтъ, хотя въ старое время, очевидно, были фруктовыя деревья, такъ какъ корни ихъ и теперь отканываютъ при расчисткѣ полей.

Въ прежнее время, при афганскомъ владычествѣ, постоянно происходили ссоры и даже драки между сосѣдями изъ-за межи, въ особенности весной, когда приступали къ посѣву. Каждый хотѣлъ захватить участокъ побольше, причемъ бѣдные въ оправданіе свое говорили, что Афганцы пазлагаютъ одинаковыя подати на всѣ дома, между тѣмъ какъ у богатыхъ земли больше, чѣмъ у нихъ. Съ водворенiemъ бухарской власти все измѣнилось; ссоры, и особенно драки, мигомъ исчезли. Раньше можно было ссориться не только совершенно безнаказанно, но даже не безъ выгода; при Бухарцахъ же власти стали сейчасъ вмѣшиваться въ дѣло и братъ все, что можно, и съ виноватаго, и съ праваго; такая система быстро привела къ установленію постояннаго мира и добрыхъ сосѣдскихъ отношеній. Теперь Ишкашимцы говорятъ своимъ сородичамъ по ту сторону рѣки во время традиціонныхъ весеннихъ дракъ: «вотъ бы вамъ такого-то хакима (называя по имени своего бухарскаго бека), вы бы узнали, что значитъ драться»⁹⁾.

При началѣ пахоты соблюдаются слѣдующій обычай. Варится особое блюдо, называемое кѣчі, изъ муки на водѣ, куда потомъ подбавляютъ молока и масла; приготавливается кѣчі, повидимому, только въ этотъ день, разъ въ году. Блюдо приносятъ на поле: хозяинъ зачерпываетъ полную ложку, выливаетъ ее себѣ на ладонь и, ставъ передъ быками, запряженными въ плугъ, но еще не начавшими работы, брызгаетъ имъ на морды кѣчі и размазываетъ рукой. Только тогда люди, пришедшие съ хозяиномъ на пашню, принимаются за ёду, но они не должны сѣѣдать всего до конца, а оставшуюся часть кушанья беруть и размазываютъ на лица другъ другу.

Есть и повѣрія, связанныя съ началомъ полевыхъ работъ. Послѣ того,

9) Записано въ 1900 году.

какъ хозяинъ приступилъ къ пахотѣ, онъ береть нѣсколько зеренъ хлѣба и потихоньку прокрадывается домой, стараясь, чтобы его не увидѣли женщины. Послѣднія не знаютъ точно, когда онъ началъ работу на полѣ, но въ ожиданіи его прихода привязываютъ къ ручкѣ одной деревянной ложки небольшую полоску желѣза, обыкновенно служащую для выскребыванія деревянныхъ чашекъ. Хозяйка, спля въ домѣ, прислушивается, не раздаются ли шаги мужа, прикрикиваетъ на дѣтей и домашнихъ, чтобы они молчали, и посыпаетъ дѣвочку смотрѣть, не видно ли приближающагося хозяина. Онъ между тѣмъ подкрадывается, взбѣгааетъ по ступенькамъ лѣстницы, бросаетъ зерна на крышу и уѣгаєтъ, стараясь все время оставаться незамѣченнымъ. Если это ему удалось, то считается, что въ наступающемъ году онъ будетъ первенствовать въ семье. Если же услыхали, и хозяйка успѣла его предупредить, бросивъ на крышу черезъ дымовое отверстіе ложку съ желѣзкой, то мужъ будетъ у нея подъ башмакомъ. Смотрѣть также, какъ ложка упала: если двомъ кверху, то годъ будетъ голодный, если книзу — урожайный.

Окончаніе уборки хлѣба сопровождается очень характерными обычаями. Когда хлѣбъ обмолоченъ и собранъ на гумнѣ въ кучу (называемую по ишкашимски ўср), хозяинъ приноситъ заранѣе приготовленный комокъ помета отъ рогатаго скота (*سرگن*¹⁰⁾, обноситъ три раза на лопатѣ вокругъ зерна, кладетъ на верхъ ўср'a, и покрываетъ комокъ зерномъ, такъ чтобы его не было видно; оставивъ лопату тутъ же, онъ уходитъ домой¹¹⁾. Дома онъ объявляетъ, что работы на гумнѣ кончены, и что пора варить бш (*اش*), или бші сіпа¹²⁾. Пока пдуть приготовленія къ варкѣ, домохозяинъ разводить куреніе (бўj) на приступочкѣ очага, мѣстѣ для этого обычномъ, и держитъ особый деревянный кувшинъ, въ который ему предстоитъ насыпать зерно, отверстіемъ внизъ надъ куреніемъ, такъ чтобы кувшинъ наполнился дымомъ. Заткнувъ затѣмъ горло сосуда мѣшкомъ, онъ несетъ его на гумно,

10) Этотъ (и только этотъ) пометъ быка называется алшбук и получается слѣдующимъ образомъ: на утро Нового Года, на разсвѣтѣ вводятъ въ дѣмъ быка, изъ числа бывшихъ на пашнѣ, даютъ ему травы съ мукой (сѣчку) и ждуть, пока онъ не испражнится. Хозяинъ береть пометъ руками, дѣлаетъ изъ него комокъ, въ которой онъ кладетъ нѣсколько зеренъ ячменя, и комокъ этотъ ставитъ внутри дома на стѣнку, не доходящую до потолка и называемую на мѣстномъ персидскомъ (таджикскомъ) говорѣ чашш, или карсі, а по ишкашимски міндаль. Тамъ комокъ засыхаетъ и осеню служить для описываемаго обряда.

11) Этотъ обычай соблюдается у Ишкашимцевъ, Ваханцевъ, Зебакцевъ и Сангачцевъ; основаніемъ для него, по словамъ горцевъ, служить значеніе навоза въ сельскомъ хозяйствѣ, благодарность за то, что онъ даетъ плодородіе. У Бадахшанцевъ вмѣсто навоза берутъ кусокъ земли и такъ же прачутъ ею въ верхней части кучи зерна.

12) Сіпа, таджикское название кучи зерна на гумнѣ, перешло на кушанье, приготовляемое по случаю конца уборки.

держа подъ мышкой и крѣпко прижимая къ боку, чтобы дымъ не вышелъ. При этомъ передъ нимъ бѣжитъ другой человѣкъ, который кричитъ: ё, бдам, кынбра, кынбра! и тѣмъ заставляетъ сторониться всѣхъ встрѣчныхъ изъ опасенія, что среди нихъ можетъ попасться человѣкъ, приносящій несчастіе; конечно могъ-бы, наоборотъ, встрѣтиться и человѣкъ, приносящий счастіе, и это считалось бы очень благопріятнымъ обстоятельствомъ, но предпочитаются не подвергаться риску дурной встрѣчи. На гумнѣ хозяинъ три раза прикасается краями отверстія сосуда къ тремъ разнымъ мѣстамъ кучи зерна, отъ чего благодѣтельная сила куренія¹³⁾, разведенного на очагѣ, должна сообщиться зерну. Поставивъ вслѣдъ за этимъ кувшинъ на землю, хозяинъ сначала насыпаетъ въ него три пригорши зерна, а затѣмъ дополняетъ до верху обычнымъ образомъ, т. е. прислонивъ кувшинъ къ кучѣ. Эту первую насыпку онъ ссыпаетъ на гумнѣ отдельно; она предназначается въ пользу лицъ духовнаго сословія и такъ и называется *حق امام*. Потомъ уже онъ начинаетъ перетаскивать свой хлѣбъ домой, въ амбаръ; если хлѣба много, то помогаютъ сосѣди. Хлѣбъ (какъ и вообще всѣ тяжести) переносятся на спинѣ, но въ виду малыхъ размѣровъ полей, а, слѣдовательно и урожая, уборка его въ амбарѣ занимаетъ немного времени, и безъ долгой проволочки принимаются за угощеніе, приготовленное для этого случая. Такими же обрядами сопровождается уборка кучи каждого рода пищевыхъ зеренъ съ гумна: пшеницы, ячменя, гороха, проса; особый почетъ оказывается пшеницѣ: когда очередь доходитъ до нея, готовится пища лучшаго качества.

Когда всѣ хлѣба убраны съ гумна, хозяинъ дома береть метлу, которой подметали гумно, и дѣлаетъ изъ нея куклу, обернувъ ее вывороченной шубой и другими предметами изъ одежды; затѣмъ, взявши сдѣланное имъ чучело на спину, несетъ его домой открыто, не стѣсняясь встрѣчей съ посторонними на дорогѣ. Въ Хуфѣ существуетъ подобный же обычай, но практикуется онъ лишь тогда, когда уже весь хлѣбъ смолотъ на мельницѣ; при перенесеніи куклы въ домъ, Хуфцы стараются избѣгать встрѣчи съ посторонними. Кукла эта называется кампрык (старушка — *کمپریق*). При внесеніи ея въ домъ хозяйка кидаетъ ей въ спину мукою (въ знакъ почтенія и расположения); ее сажаютъ на почетное мѣсто, и хозяинъ говоритъ: «Приготовьте пищу для старушки, да помягче, чтобы была по зубамъ; устала она, работавши на гумнѣ: видите, у нея даже руки скрючилъ.» Куклу дѣлаютъ, привязавъ палку поперекъ метлы; она изображаетъ плечи старухи, но такъ какъ рукава надѣтаго на палку халата длиннѣе ея самой, то они

13) Разсказчикъ говорилъ: *جُرْكَىْ جُورِى*.

свѣшиваются съ концовъ, что и служить основаниемъ шутки про скрюченныя руки. Несмотря однако на обѣщаніе хозяина, старуха не участвуетъ въ обѣдѣ; если работу кончили къ вечеру, то во время ужина она стоитъ у стѣны и служить поводомъ для шутокъ и остротъ; если же ее принесли днемъ, то еще задолго до ужина ее развизываютъ и всѣ части ея разбираются по своему прямому назначению.

Послѣ переноски хлѣба въ амбаръ, приступаютъ къ помолу, причемъ опять-таки соблюдаются нѣкоторые старинные обычаи. Специалистовъ-мельниковъ въ Ишкашимѣ нѣть¹⁴⁾, а каждый идетъ на мельницу и самъ мелеть свой хлѣбъ; вечеромъ того дня, когда онъ приступилъ къ помолу, мелющій разводить огонь, кладетъ нѣсколько горячихъ угольевъ на камень и несетъ его къ жолобу, по которому вода течеть къ мельничному колесу; поставивъ камень подъ жолобомъ, онъ курить новой мукой, смѣшанной съ масломъ; куреніе это имѣетъ цѣлью умилостивить воду, какъ стихію, чтобы она не вредила мельницѣ и хорошо молола. Затѣмъ берутъ немного воды изъ жолоба и, смѣшивъ ее съ новой мукой, мѣсять тѣсто, изъ которого пекутъ одинъ или нѣсколько хлѣбовъ (кумбч), смотря по числу присутствующихъ; когда хлѣбъ испеченъ, его поливаютъ масломъ и дѣлять между членами семьи, которые тутъ же сѣдаютъ его; если хозяинъ въ это время отсутствуетъ, то ему обязательно оставляютъ его часть; если же онъ дома, то онъ сѣдаетъ первый изъ приготовленныхъ хлѣбовъ, или начинаетъ есть раньше другихъ, если испечены лишь одинъ хлѣбъ, а затѣмъ уже раздаетъ остальное всѣмъ присутствующимъ.

Послѣ помола отсыпаютъ немного муки для домашняго употребленія на нѣкоторое время (она называется піц-хыр, т. е. *بیش خور*), остальную же ссыпаютъ въ амбаръ. Изъ отсыпанной муки устраиваютъ угощеніе и кроме того изъ нея же пекутъ особый хлѣбъ, называемый басыкъ, съ четырьмя бугорками (назыв. *اچوچ*) на немъ. Послѣ обильнаго угощенія, когда всѣ начались досыта, хозяйка береть басыкъ и предлагаетъ его всѣмъ по очереди, обходя сначала стариковъ и кончая ребятишками, причемъ всѣ обязательно отказываются, говоря бас, т. е. «довольно», откуда и название самого хлѣба. Обойдя гостей, хозяйка кладетъ ненадолго басыкъ на приступку у очага (тамъ, где обыкновенно разводятъ куреніе), а затѣмъ относить въ амбаръ и оставлять на строилахъ, где его уничтожаютъ мыши. Этотъ обычай существуетъ только въ Ишкашимѣ; въ Вахаѣ его нѣть.

Когда отсыпанная для домашнихъ надобностей мука приходитъ къ концу, берутъ изъ амбара новый запасъ, но это можно дѣлать только въ

14) Въ Ишкашимѣ на 100 домовъ 12 мельницъ; за помолъ платятъ определенной частью муки.

четвергъ или въ пятницу. Если мука кончилась за нѣсколько дней до четверга, то предпочитаютъ голодать или питаться чѣмъ-нибудь другимъ, но запаса муки не трогать. Кромѣ Ишкашима, это соблюдается также въ Ваханѣ и въ Зебакѣ.

Окончаніе жатвы называется дѣсбѡз (داس آورن) — вѣтаніе серпа), т. к. серпъ въ этомъ году служить уже не будетъ. Обыкновенно, жнецъ (по большей части хозяинъ), вернувшись домой по окончаніи жатвы, беретъ два серпа и окружаетъ ими, какъ кольцомъ, шею хозяйки; она начинаетъ кричать, что ей страшно, что ее могутъ ранить и т. п.; жнецъ обѣщаетъ выпустить ее за выкупъ, и, послѣ недолгаго спора, обыкновенно, сходятся на угощеніи; тогда хозяйку освобождаютъ. Окончаніе переноски сжатаго хлѣба на гумно называется коштѡз отъ названія доски (кошт), которую кладутъ на спину и на которой прикрепляютъ снопы палкой; кошт тоже набрасываютъ на хозяйку и подобнымъ же образомъ выпускаютъ ее за Ѣщаніе угощенія.

Въ Зебакѣ, въ селеніи Борѣв (30 домовъ), сохранился слѣдующій обычай. Послѣ того какъ произведены посѣвы, жители этого селенія перестаютъ употреблять желѣзные предметы и не даютъ другимъ пользоваться таковыми, въ убѣжденіи, что если раздастся звукъ отъ удара желѣза о твердый предметъ, непремѣнно наступятъ внезапные преждевременные холода, и урожай погибнетъ. На этомъ основаніи они послѣ посѣва прячутъ всѣ металлическія вещи, такъ что, напр., при поливѣ и другихъ лѣтнихъ полевыхъ работахъ употребляютъ деревянныя лопаты вмѣсто желѣзныхъ; когда послѣваютъ горохъ и ячмень, ихъ жнуть не желѣзными, а роговыми серпами (изъ роговъ дикихъ козловъ); точнѣе сказать, этими роговыми серпами не жнуть, а вырываютъ горохъ и ячмень съ корнями, такъ какъ у этихъ раннихъ хлѣбовъ корни неглубокіе, и при такомъ способѣ жатвы, растенія остаются цѣликомъ въ рукахъ жнеца. Когда подходитъ время жать пшеницу, то между односельчанами поднимаются прѣнія: одни жалуются, что ихъ пшеница начинаетъ осыпаться, что пора ее жать, другие же утверждаютъ, что у нихъ она не поспѣла. Наконецъ рѣшаютъ приступить къ жатвѣ, и тогда всѣ въ одинъ и тотъ же день берутся за работу, на этотъ разъ уже желѣзными серпами, и съ этого дня до новаго посѣва пользованіе желѣзными предметами разрѣшено; но пока хлѣбъ еще на корню, запрѣтъ строго соблюдается всѣми. Мало того, отъ посѣва до жатвы лошадей угоняютъ въ горы, или, по крайней мѣрѣ, стараются держать ихъ подальше отъ полей, такъ какъ онѣ бываютъ иногда подкованы, и желѣзная подкова могла бы звякнуть о камень; а если лошади и не подкованы, то все же на нихъ могутъ быть узы, отъ которыхъ, того гляди, произойдетъ бряцаніе. По этой же причинѣ жители названного селенія непускаютъ къ себѣ

до жатвы верховыхъ. Когда Афганцы овладѣли Зебакомъ, то услышавъ про это повѣrie, ихъ власти рѣшили его уважать; узнали они про него слѣдующимъ образомъ: мѣстный афганскій правитель надумалъ лѣтомъ проѣхать верхомъ по землѣ Гориццевъ; все населеніе высыпало ему навстрѣчу и заявило, что если онъ перѣѣдетъ черезъ ихъ границу, они бросятъ селевіе и уйдутъ, такъ какъ холодъ неминуемо уничтожить посѣвы, и имъ нечего будетъ есть; Афганцы повернули обратно и оставили ихъ въ покой. Повѣrie это существуетъ въ одномъ только селеніи Борѣв.

5) Счетъ времени, Новый Годъ, праздники, охота, игры, разсказчики, болѣзни и ихъ лечение.

Счетъ временамъ года и мѣсяцамъ ведется по соицу, т. е. по тому, въ какой точкѣ окрестныхъ горъ солнце встаетъ и закатывается въ тотъ или другой периодъ года; введеніе этого счета приписывается Нѣсир-Хѣ-срав'у. Кромѣ того, почти въ каждомъ домѣ есть отмѣтки на стѣнѣ, до той или другой изъ которыхъ доходить въ разное время солнечный лучъ, проникающій черезъ дымовое отверстіе въ крышѣ (روزن — по ишкашимски рѣцѣ). Такъ, напр., часто встрѣчается отмѣтка на томъ мѣстѣ, куда лучъ доходитъ при наступленіи Нового Года. Такія опредѣленныя мѣста, какъ въ домѣ, такъ и въ горахъ, служащія точками провѣрки времени года, называются فتابشان. Кромѣ счета по немъ существуетъ также счетъ на части человѣческаго тѣла, какъ въ Шугнанѣ, хотя тамъ онъ болѣе распространенъ, нежели въ Ишкашимѣ и Ваханѣ; по этому счету, начиная отъ Нового Года, известное число дней соответствуетъ разнымъ частямъ ногъ, туловища, груди, шеи и головы. Въ году считается 365 дней; изъ нихъ на три мѣсяца весны приходится 94, — лѣта 93, — осени и зимы по 89; мѣсяцевъ двѣ, «дцать», Новый Годъ справляютъ весной.

На бухарскомъ берегу Пянджа, въ селеніяхъ Рынд и Наматгыт, на-селенныхъ Ишкашимцами (хотя въ Наматгытѣ, лежащемъ на границѣ Вахана, говорятъ по вахански), въ прежнее время, т. е. до послѣдняго русско-афганскаго разграничения, соблюдался слѣдующій обычай: когда вступалъ Новый Годъ, то впродолженіи недѣли жители этихъ двухъ селеній сами не ходили въ другія села и не пускали никого изъ постороннихъ къ себѣ; по истеченіи семи дней одинъ человѣкъ обходилъ всѣ дома и въ каждомъ читалъ молитвы; человѣка этого называли созшор. Послѣ его обхода селеніе считалось открытымъ для сношеній съ окружающими. Съ расположениемъ къ бухарскихъ предѣлахъ Западныхъ Памирскихъ постовъ, обычай этотъ не оказалось возможнымъ соблюдать съ прежней строгостью, такъ

какъ Рынд и Наматгыт стоять на дорогѣ, соединяющей русскіе посты, и Таджикамъ нельзя было прекратить по ней движеніе. Въ селеніи Хірманѣ на другой день послѣ празднованія Новаго Года на разсвѣтѣ, до первого намаза, вводятъ въ домъ осла или барана и даютъ ему ячменя; въ Зебакѣ осла вводятъ въ день Новаго Года въ полдень. До этого постороннихъ въ домъ не пускаютъ, а послѣ ввода осла всѣ ходятъ другъ къ другу съ поздравленіями, говоря при входѣ: шогуні бобр мубрак башад¹⁵⁾, и затѣмъ читаютъ молитву, встрѣчая гостей, имъ кидаютъ въ спину мукою.

Въ Ваханѣ этотъ обычай сохранился полноѣ. Въ ночь послѣ празднованія Новаго Года, передъ разсвѣтомъ, въ каждомъ домѣ кто-нибудь встаетъ, выводить изъ конюшни осла и верхомъ на немъ вѣзжаетъ къ себѣ въ домъ на разсвѣтѣ; человѣка этого въ данномъ случаѣ также называютъ сбзшорі. До его приѣзда никто изъ дома не выходитъ. Подѣхавъ къ дому, онъ стучитъ въ дверь и кричитъ: «я привезъ счастіе Ишкашима, привезъ счастіе Зебака, привезъ счастіе Шугнана, Бадахшана, отворите дверь! Лурд, лурд, лурд!» (далшаті Шікбушімъ юзомъ дај и т. д.). Ему отворяютъ дверь, и онъ вѣзжаетъ въ домъ на ослѣ, приговаривая три раза «лурд»¹⁶⁾, затѣмъ говорить: «шогуні бобр мубрак башад», слѣзаетъ съ осла и прочитываетъ молитву; осель же есть заранѣе приготовленный для него ячмень. По прочтеніи молитвы, сбзшорі принимаетъ какое-нибудь незначительное подношеніе и ведетъ осла обратно на конюшню. Съ утра кануна и до введенія осла постороннихъ въ домъ не пускаютъ.

Въ Ишкашимѣ при наступлении Новаго Года идутъ приготовленія къ празднику. Въ послѣднюю ночь старого года не оставляютъ въ домѣ никого изъ постороннихъ; на разсвѣтѣ, когда еще темно, домохозяинъ береть хлѣбъ, испеченный въ лепешку, кладеть его за пазуху и, захвативъ войлокъ или небольшой паласъ, баранью шкуру или что-нибудь похожее на одинъ изъ этихъ предметовъ, выходить, стараясь не идти противъ извѣстной звѣзды, приносящей несчастіе, и не глядѣть на нее; само собою разумѣется, ему приходится заранѣе изучить и обдумать, какимъ способомъ ему избѣжать злого вліянія звѣзды. Выйдя изъ дома, онъ бросаетъ взятый имъ войлокъ или шкуру на дерево или на заборъ, а самъ идетъ наломать немногого тростника, который онъ приносить съ собой обратно въ домъ. Этотъ обычай свято соблюдается какъ въ Ишкашимѣ, такъ и въ Ваханѣ. По возвращеніи хозяина домой, крошатъ хлѣбъ, бывшій у него за пазухой, въ чашку съ молокомъ, и онъ наѣдается этимъ кушаньемъ до-сыта. Дѣлается это въ

знакъ того, что наступающій годъ долженъ быть «сытныій» (سُرِّ), обильный, урожайный. Изъ принесенного гдѣвой семьи тростника дѣлаютъ четыре вѣника, которыми женщины счибаютъ копоть со стѣнъ. При этомъ существуетъ примѣтъ: если одна или нѣсколько тростинокъ застрянутъ во время работы въ потолкѣ, то у хозяина должно родиться много хлѣба; если въ стѣнѣ надъ очагомъ, то въ наступающемъ году женщины будутъ добывать много масла изъ молока своего скота.

Когда очистка кончена, женщины спрашиваютъ, наступиль ли часъ, когда нужно выносить сажу и пыль, которая онѣ сгребли. При утвержденітельномъ отвѣтѣ одна изъ женщинъ береть корзинку съ копотью подъ мышку и, накрывши голову халатомъ, чтобы не увидѣть солнца, выносить сорь подальше отъ дома, высыпаетъ его и возвращается обратно все еще съ покрытой головой; потомъ двѣ женщины приступаютъ къ обсыпкѣ стѣнъ мукою, что дѣлается либо особымъ вѣникомъ, либо прикладывая руку сначала къ муку, потомъ къ стѣнѣ; этотъ обычай имѣть толь же смыслъ, какъ обсыпаніе мукою почетныхъ гостей, т. е. имъ выражается почтительное привѣтствіе Новому Году.

Пока идетъ чистка стѣнъ, въ очагѣ, закрытомъ сверху, чтобы не попала туда сажа, печется особый хлѣбъ, называемый шогун-кумбѣ¹⁷⁾. Тѣсто мѣсятъ на маслѣ безъ солода, а испеченный хлѣбъ имѣть видъ большого круга, пальца въ 4 толщиной. Въ хлѣбы меньшаго размѣра кладется солдъ, называемый сымазык; приготавливается онъ изъ пшеницы, которую держать въ водѣ 4—5 дней, пока она не проростетъ; ее затѣмъ вынимаютъ, сушатъ и мелютъ. Когда шогун-кумбѣ готовъ, и въ домѣ все убрано, двое мужчинъ садятся у двухъ противоположныхъ стѣнъ комнаты и катаютъ хлѣбъ другъ къ другу по три раза (для этого, вѣроятно, хлѣбъ и печется такой толщины, чтобы могъ катиться, не падая плашмя). Затѣмъ хлѣбъ этотъ рѣжутъ на кусочки, даютъ по кусочку присутствующимъ, а также всѣмъ тѣмъ, кто входитъ въ этотъ день въ домъ изъ родныхъ, и разсыпаютъ также по кусочку своимъ родственникамъ, которые отдаливаютъ тѣмъ-же.

Такъ-же какъ въ Новый Годъ, не оставляютъ въ домѣ никого изъ постороннихъ и въ первый день мѣсяца Амсба (امْسَبٌ — первый мѣсяцъ послѣ Сафара, ربیع اول, считаящийся его «сосѣдомъ»). Обычай этотъ существуетъ въ Ишкашимѣ, но не въ Ваханѣ; однако, въ обѣихъ странахъ въ этотъ день никому не даютъ огня изъ дома на сторону. Можетъ быть, этотъ обычай составляется пережитокъ древняго культа огня на домашнемъ очагѣ.

15) «Да будетъ благословенъ праздникъ весны».

16) Въ настоящее время, повидимому, это слово не сохранило прежняго значенія; не название ли это какого-нибудь древнаго божества?

17) У Ишкашимцевъ печется одинъ хлѣбъ большого діаметра, у Ваханцевъ нѣсколько хлѣбовъ поменьше.

На Новый Годъ женщины и девушки устраивают себѣ качели; молодые же мужчины играли въ поло (гўј-ббзі—*گۈچىنى*), но теперь этотъ обычай въ Ишкашимѣ и въ Ваханѣ совсѣмъ исчезъ. При игрѣ въ поло погиблашадей обертываютъ тряпками около щетки для защиты отъ ударовъ.

Въ старое время, когда миры Ишкашима состояли въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Бадахшану, устраивалась послѣ Нового Года охота. По призыву мира, собирался народъ для облавы; отъ каждого дома приходило по два человѣка: одинъ съ ружьемъ, другой безъ ружья. Къ вечеру всѣ должны были собраться у селенія Jax-дурӯ, гдѣ ихъ дѣлили на отряды, и загонщики ночью пробирались на свои мѣста для облавы, кабал-шікбр. Съ разсвѣтомъ начиналась охота. Миръ съ лучшими стрѣлками стрѣлялъ по бѣгущему звѣрю. Послѣ охоты воздавалось каждому по заслугамъ: хорошие стрѣлки получали халаты, неудачные же — палочныи удары; мало того, миръ приказывалъ штрафовать ихъ на халать, пару барановъ или т. п. «Что вы за молодцы (*جەلەن*)», кричалъ разсерженный миръ: «прикажу перековать ваши ружья на подковы; ваши матери — овцы!».... Лучшая часть добычи доставалась миру, худшая дѣлилась между другими участниками охоты.

Въ селеніи Саїжд, какъ видно изъ его названія, охота уже въ старое время составляла промыселъ. Жители его и теперь еще специально занимаются ловлей и дрессировкой соколовъ (*چەنچەن*) въ другихъ хищныхъ птицъ. Весной, собираясь на охоту, они закалываютъ барана, приготовляютъ особое блюдо, называемое бат, и съѣвъ его, прочитываютъ молитвы; затѣмъ только отправляются на промыселъ. Изучивъ заранѣе, гдѣ расположены соколиные гнѣзда, они взбираются на скалу, подъ которой спрятано такое гнѣзда, и одного изъ охотниковъ спускаютъ къ нему на веревкѣ. У подножія скалы становится другой и крикомъ даетъ знать, что нужно дѣлать, такъ какъ ни тѣмъ, кто на верху скалы, ни тому, кто всплыть на веревкѣ, общая картина не видна. На уступахъ скалы, гдѣ это возможно, ются другие участники охоты для передачи приказаний и, главнымъ образомъ, для того, чтобы направлять веревку. Одинъ, стоя на верху на удобномъ мѣстѣ и за-пасвшись пучками растенія пуш¹⁸⁾, кидаетъ имъ въ птицъ, когда они грозятъ броситься на охотниковъ. Съ помощью товарищей спущенный на веревкѣ охотникъ находитъ гнѣзда и вынимаетъ птенцовъ, но никогда не забираетъ всѣхъ: если ихъ въ гнѣзда два, то онъ береть одного, если три — то двухъ. По возвращеніи домой устраивается ширъ для отпразднованія удачной охоты. При плохихъ качествахъ веревокъ кустарного производства такая охота среди неприступныхъ горъ и глубокихъ пропастей крайне опасна. Если ве-

18) Пуш собственно зебакское название этой травы; въ Ишкашимѣ ее называютъ, другимъ, въ Ваханѣ тыбуск или тыбъекъ.

ревка оборвется, человѣкъ, привязанный къ ней, разобьется до смерти; поэтому существуетъ обычай отбирать у него заранѣе ножъ или шиле, словомъ, все то, чѣмъ онъ могъ бы перерѣзать веревку, ибо бывали случаи, когда охотникъ, спустившись такимъ образомъ по воздуху и добравшись до уступа скалы, перерѣзывалъ веревку отъ страха снова всплыть надъ прошастіемъ и этимъ обрекалъ себя на неизбѣжную голодную смерть.

Кромѣ Нового Года въ Ишкашимѣ празднуютъ Курбанъ и Рамазанъ. Въ эти праздники ребятишки красятъ яйца, играютъ и бьютъ ихъ одно объ другое; играютъ тоже и не крашенными. Окрашиваютъ ихъ большей частью въ красный цветъ. Бьютъ ихъ другъ о друга, держа въ рукахъ, а также скатывая по желобку. Старики въ эти два праздника ходятъ съ поздравленіями къ знатнымъ лицамъ (напр. въ старое время къ «миру») и подносятъ имъ по нѣсколько яицъ (5 — 20); кромѣ яицъ въ эти дни ничего не подносятъ. Въ Новый Годъ также ходятъ съ поздравленіями, но ничего не дарятъ (кое-кто иногда хлѣбъ).

Во времія упомянутыхъ праздниковъ, а также въ Новый Годъ пекутъ блины (называемые по ваханско раҳівц). Для этого готовятъ въ чашкѣ жидкое тѣсто изъ муки, молока и масла; раскатывъ большой, плоскій, тонкій камень, льютъ на него масло, а затѣмъ и приготовленное тѣсто, черпая его изъ чашки ложкой. Когда одна сторона блина испечена, его переворачиваютъ на другую. Подаютъ блины горкой (какъ «листы книги», говорилъ рассказчикъ), на деревянномъ блюдѣ, обливъ ихъ предварительно масломъ.

Въ Ваханѣ, также какъ и въ Ишкашимѣ, послѣ Нового Года предзначено наступающій годъ служить характеръ дѣтскихъ игръ: если малыя дѣти ёздятъ верхомъ на палкахъ или играютъ въ войну, то это значитъ, что предстоящій годъ будетъ беспокойный, будутъ походы, битвы. Если же ребятишки занимаются копаниемъ канавокъ и забавляются играми земледѣльческаго характера, то это считается примѣтой мирной жизни и земледѣльческихъ работъ на наступающее время.

Въ Ишкашимѣ есть цѣлый рядъ дѣтскихъ игръ, въ которыя играютъ опредѣленнымъ порядкомъ съ опредѣленными словами:

a) *Волки и овцы* — гыргык-ббзі (собственно «игра въ волченка») то-же, что у насть «коршунъ». Играющіе становятся другъ за другомъ въ вереницу и держатся другъ за друга, при чѣмъ первый называется «пастухомъ» (чүпбн) и долженъ защищать своихъ овецъ, отпавая нападенія «волка» на нихъ. Передъ началомъ борьбы волкъ указываетъ поочередно на окружающія горы и просить пастуха дать ему одну изъ нихъ (т. е. для права ловли), говоря по таджикски: ў кў (т. е. *گو*) «ту гору»; пастухъ каждый разъ отвѣчаетъ намедімъ (*مېسىدەم*), «не дамъ», послѣ чего волкъ начинаетъ нападать. Въ рукахъ у пастуха жгуть, которымъ онъ бьетъ волка, но все же, по

большей части, волкъ по одной перетаскиваетъ у него его овецъ. Пока не дошло дѣло до послѣдняго игрока, всѣ взятыя волкомъ «овцы» сидять въ его «домѣ», вертятъ руками, подражая работѣ на прядлѣ (*كِلْجَى*, *چىخ*), и приговариваютъ: үбىымъ, үбىымъ, ўрк-бо кафан гохымъ, т. е. «пряду, пряду, дѣлаю саванъ волку»¹⁹⁾. Когда за пастухомъ остался всего одинъ играющій, пастухъ говоритъ ему, что у него что-то чешется въ головѣ, и кладеть ему голову на колѣни, прося посмотретьъ, въ чемъ дѣло. Въ это время волкъ похищаетъ и этого послѣдняго. Тогда пастухъ, прыгая на одной ногѣ, идетъ къ «дому» волка и говорить: У меня пропалъ внучекъ; не видѣли ли вы его? «Твоего внучка? спрашиваетъ волкъ. «Да». «Да, я его видѣлъ въ такомъ-то мѣстѣ», (называя одно изъ окрестныхъ селеній). Пастухъ, все еще прыгая на одной ногѣ, отправляется за камешкомъ, приносить его и говорить, что онъ ходилъ въ это селеніе, нашелъ камешекъ, а внучка не видѣлъ. Волкъ посыпаетъ его въ другое селеніе и т. д., пока пастухъ не принесетъ столько же камешковъ, сколько въ игрѣ «овецъ». Все это время «внучекъ» лежитъ спрятанный подъ халатомъ среди овецъ. Когда всѣ камни принесены, волкъ начинаетъ подносить по камешку каждой овцѣ и внучку. Каждый плюетъ на камешекъ, а волкъ, взявши клочекъ ваты изъ подъ подкладки его халата или волосъ съ головы, приклеиваетъ этой словной вату или волосъ къ камешку и отбрасываетъ въ сторону, говоря: «это ослиная моча изъ такого-то селенія» (называя то селеніе, откуда камешекъ яко-бы принесенъ). Когда очередь доходитъ до внучка, то камень съ его волосомъ волкъ показываетъ пастуху. «Ахъ, это волосъ моего внучка, я его узнаю», говоритъ пастухъ. Внучку нахлобучиваютъ шапку и выводятъ его; пастухъ бѣгаеть вокругъ него, крича: «о, мой внучекъ!» (*واجْ مَنْ نَيْوَى!*). Неподалеку вбитъ въ землю деревянный колышекъ, часть которого тэрчить наружу. Волкъ таскаетъ овецъ къ этому мѣсту и поочередно бросаетъ ихъ на этотъ колышекъ. Когда онъ всѣхъ (въ томъ числѣ и внучка) бросилъ на колышекъ, игра начинается снова.

б) Чижъ—лаш. Кладутъ на землю коротенькую палочку, заостренную съ обоихъ концовъ и называемую лаш. Играющіе раздѣляются на два лагеря, изъ которыхъ одинъ бѣть болѣе длинной палочкой по одному изъ концовъ чижъ, чтобы поднять его на воздухъ и сильнымъ ударомъ отбросить далеко въ сторону. Когда чижъ такимъ образомъ отлетѣль, очередной изъ противоположного лагеря долженъ бѣжать за нимъ и принести его обратно, крича все время зўуу.... и не переводя дыханія, что провѣряется однимъ изъ противниковъ, послѣдній для этого бѣжитъ за нимъ и прислушивается

19) Въ Горонѣ и въ персидскомъ селеніи Турбаш ребятишки говорить эту фразу по-персидски: мѣрісім, мѣрісім, ба-түрг кафан мѣкынім.

къ его голосу. Если чижъ принесенъ правильно, то очередь переходить къ слѣдующему; если же у бѣжавшаго за нимъ не хватило дыханія, и онъ перервалъ свой крикъ, то чижъ закапываютъ въ землю такъ, чтобы торчать только одинъ его конецъ. Тогда игрокъ, ударившій передъ тѣмъ по чижу, садится верхомъ на того, кому не удалось правильно его принести, и, кружаась на немъ вокругъ чижъ, бѣть торчащий изъ земли конецъ палкой. Если онъ ударомъ выбиваетъ чижъ наружу, то снова играеть онъ; если нѣтъ, то игра идетъ дальше. Собственно, эта часть съ крикомъ зўуу... заключаетъ игру; до этого кидаютъ отбитымъ чижомъ въ другую палку, положенную на землю, и продѣлываютъ разные другие номера (подробное описание которыхъ имѣется въ материалахъ по долинѣ Хуфъ). Основная мысль игры та, что сначала покупаютъ лошадь, потомъ постепенно уборъ къ ней, т. е. попону, подпругу, узду, сѣдло и т. д.²⁰⁾. Когда лошадь съ сбруей готова, устраиваютъ мајдан-бок (*مَيْدَانْ بَوكْ*), т. е. пробѣгъ лошади, что и составляетъ описанную въ началѣ часть игры.

в) Игра въ камни — лапар-бозі. Беруть плоскіе, круглые камни и, раздѣляясь на два лагеря, бросаютъ поочередно камни въ небольшой камешекъ, называемый чїлгїз, съ известнаго разстоянія; каждый старается бросить свой камень такъ, чтобы онъ легъ какъ можно ближе къ чилгизу, но не на него, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ игрока называютъ мѣдѣр-г旣 (любовникъ своей матери), и игра начинается съ начала. Когда всѣ бросили свои камни (лапар), измѣряютъ, чей камень ближе; дѣлается это, приставляя ступню къ ступнѣ. Побѣдитель ударами своего камня отстраиваетъ камни остальныхъ, затѣмъ отбрасываетъ тѣмъ же способомъ чилгизъ въ сторону; при этомъ опять измѣряютъ числомъ ступней, на какое разстояніе отлетѣль камешекъ. Въ теченіи всей игры послѣ промаха играетъ слѣдующій игрокъ. Когда наконецъ кто-нибудь изъ игроковъ успѣль сыграть такъ, что при счетѣ оказалось заранѣе условленное число ступней, то онъ садится верхомъ на противника изъ другого лагеря. На мѣстѣ, где отъ послѣдняго удара упалъ чилгизъ, складываютъ въ груду большие камни, служившіе для игры; побѣдитель, седя на спинѣ проигравшаго, закрываетъ ему глаза руками, а проигравшій долженъ такимъ образомъ пройти отъ того мѣста, где игра началась, и разбросать груду камней ногой.

г) Игра въ козонки отъ бараньихъ ногъ — бірўл. Это та-же игра, которая встрѣчается и въ Россіи; въ Туркестанѣ ее называютъ ашік или сапички (среди русскихъ).

20) Причесъ приобрѣтеніе каждого предмета изображается продѣлываніемъ того или другого осложненія въ выбиваніи чижъ.

д) *Мачъ* — путь. Его дѣлаютъ изъ шерсти; играютъ въ него, по большей части, дѣвушки на гумнѣ.

Какъ всюду, въ Ишкашимѣ и сосѣднихъ съ нимъ странахъ народъ любить сказочниковъ. Знаніемъ сказокъ особенно славятся жители селенія Танг (*تڭ*) въ верхнемъ Ваханѣ, а въ Зебакѣ жители селенія Боз-гир (*بازگىر*), известные также, какъ охотники за птицами, наравнѣ съ жителями селенія *صياد* въ Ишкашимѣ. Въ афганскомъ Ваханѣ, въ крѣпости Панџа (*قلعه پنجا*), проживаетъ иѣкій Худо-Бахш (*خوڅ بهش*), родомъ изъ Танг'а, славящійся какъ рассказчикъ. Про него говорятъ, что, начиная сказку съ вечера, онъ къ утру доводитъ ее до половины и продолжаетъ въ слѣдующую ночь. Его призываютъ, когда въ домѣ гости, чтобы онъ ихъ развлекалъ. Обыкновенно, онъ говоритъ по вахански, но когда гость Ишкашимецъ или Зебакецъ, не понимающій его языка, то онъ переходитъ на таджикскій. Теперь онъ уже старъ, хромъ, ходить не можетъ, а толькоѣздитъ верхомъ; зубы у него все цѣлы и говорить онъ, по отзывамъ слышавшихъ его, отчетливо.

Весной и осенью больные Ишкашимцы и Ваханцы отправляются лечиться на горячие ключи, называемые Чашмѣ-і-Дамчін и находящіеся на правомъ берегу Пянджа, въ Ваханѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Ишкашима. Тамъ больные купаются.

Въ зиму 1900—01 гг. въ Зебакѣ появилась чума. Въ селеніяхъ: Сышымъз, Азрок, Зархбн, Шінгук, Бозгир, Ретхуд, Даштхон и Іскітул, вымерло много народу, въ четырехъ послѣднихъ — больше половины жителей. Эпидемія продолжалась около 6 мѣсяцевъ.

Ишкашимцы и Ваханцы придаютъ большое значеніе цѣлительной силѣ обѣйтїй цѣломудренной или нравственной женщины. Напримѣръ, когда лошадь захвораетъ и перестаетъ мочиться, разыскиваютъ такую женщину, и она, обнаживши животное, проводитъ три раза руками отъ головы до хвоста, потомъ, спрятивъ руку въ рукавъ, дотрогивается ею черезъ матерію три раза до половыхъ органовъ лошади и послѣ каждого раза касается этой рукой до земли. Это дѣлается не на людяхъ, но разъ женщина уже упрочила за собой репутацію цѣлительницы, то она лечить этимъ способомъ и въ присутствіи другихъ. То же лечение продолжается и надъ мальчикомъ, если у него перестанетъ идти моча.

6) Небесныя свѣтила, клятвы, сны, остатки прежнихъ религіозныхъ обрядовъ.

Солнечное затменіе называется рымузон наѣ, т. е. «солнце взяли» (*قاب را گرفتند*), также и лунное — мѣтобон наѣ, «взяли луну» (*ماهتاب را گرفتند*). Затменія объясняются попытками дивовъ, называемыхъ леш

(во множ. ч. лешб) схватить и унести свѣтила; грыхи людей даютъ имъ возможность это сдѣлать. По другому объясненію, затменія происходятъ отъ того, что женскіе волосы попали въ огонь; это считается болѣшимъ грѣхомъ. При каждомъ затменіи на народъ нападаетъ паническій страхъ: женщины плачутъ, мулы выкрикиваютъ азанъ, читаютъ коранъ и произносятъ заклинанія. Если у кого есть мѣдные тазы, то всѣ, какъ женщины, такъ и мужчины, бьютъ въ нихъ, надѣясь спугнуть дивовъ. — Рѣжутъ также въ жертву барановъ. Нѣкоторыя женщины даютъ во время затменія обѣтъ приготовить бат, въ случаѣ благополучного исхода знаменія, и вслѣдъ за тѣмъ варятъ это кушанье.

Солнце называется великимъ *شىزى*. Имъ клянутся, говоря въ Ишкашимѣ: сарі Ремузд, въ Ваханѣ: сарі ір²¹⁾. Жители Горона, а также жители селенія Турбат, говорящіе и тѣ, и другіе по персидски, говорять *سر آفتاب*. Клятва эта считается очень сильной, и народъ вѣритъ, что нарушивший клятву или давшій ее должно будетъ наказанъ солнцемъ.

Клясться именемъ Бога избѣгаютъ, кроме какъ въ особенно важныхъ случаяхъ, и то такъ клянутся только мужчины, но не женщины (въ Ваханѣ). Всего чаще и мужчины, и женщины клянутся именемъ близкихъ родныхъ: отца, брата, дяди, но не матери, сестры или тетки. Матерью клянутся только дѣвушки, у которыхъ отецъ померъ, а другихъ родныхъ подходящихъ степеней родства пѣтъ. Сыновья же даже въ такомъ случаѣ не клянутся матерью.

Названія для звѣздъ и созвѣздій употребляются въ Ишкашимѣ персидскія, т. е. общія съ тѣми, которыя имъ даютъ остальные Таджики: маечный шутъ называется *كوجة كېكشان*. Большая медвѣдница — *فت دادران*, Плеяды — *پروین*; какія то двѣ звѣзды, близкія другъ къ другу (Близнецы?) — *لبی و مجنون*; какая то яркая звѣзда, появляющаяся осенью, *ستاره سرد*.

Громъ въ Ишкашимѣ и Ваханѣ приписывается старухѣ, живущей на небѣ, которая отъ времени до времени вытряхиваетъ свои исподніе шаровары; про гулъ грома говорятъ: камшірак хѣ ѿл тухду («старуха вытряхиваетъ свои исподніе шаровары», *کىسىرك ازار خود را تۇخ زد*²²⁾).

21) Упоминаніе о юловои солицѣ, и. б., указываетъ на антропоморфическое представление о немъ. (Сравн. клятву солицѣ, данную Томирисой Киру, у Геродота).

22) Среди тюркскихъ племенъ сохранились стѣны древнаго представления о божествѣ грома также въ видѣ старухи, но вытряхивающей кожаный мѣшокъ. Въ Туркестанскомъ краѣ можно иногда видѣть маленькихъ ребятишекъ, убѣгающихъ въ волненіи отъ услышанного рассказа грома и кричащихъ: мама سانچىنى قاقدى — «бабушка вытряхнула свой кожаный мѣшокъ».

Снамъ придается большое значение. Иногда, проснувшись послѣ сновидѣнія, человѣкъ варить бѣцъ или раздастъ хлѣбъ. Название бѣцъ носить особое кушанье, имѣющее отношеніе къ духамъ предковъ, а также къ высшимъ духамъ. Бѣцъ раздается всѣмъ окружающимъ и даже, если его варить зажиточный человѣкъ, на это угощеніе сзываются гости изъ окрестныхъ селеній. Для того, чтобы предотвратить бѣду, предсказанную дурнымъ сномъ, или же иногда въ надеждѣ увидать хороший сонъ, люди состоятельный рѣжутъ какое-нибудь животное.

Существуетъ повѣrie, что если женщина не можетъ запоминать своихъ сновъ (خوابش بدر میشود) (т. е. по просту, спить крѣпко, безъ сновидѣній), а ей хотѣлось бы ихъ запомнить (считается же это очень желательнымъ), то ей надо попросить человѣка, занятаго въ это время помоломъ своего хлѣба, чтобы онъ сдѣлалъ для нея кумчъ. Тотъ долженъ встать на разсвѣтѣ, взять воды изъ мельничаго желоба, замѣсить тесто и испечь булочку, которую женщина и съѣдаетъ.

Ложась спать, жители Ишкашима и сѣдніхъ странъ раздѣваются почти до-нага. Иногда оставляютъ исподніе шаровары, но и это нельзя считать общепринятымъ обычаемъ; въ нихъ спятъ обыкновенно женщины; замужныя однако ложатся часто безъ нихъ.

Куреніе благовоній (въ ритуальномъ смыслѣ) бываетъ двухъ родовъ (въ Ишкашимѣ, Зебакѣ и Ваханѣ). Для одного приготавливается смѣсь изъ отрубей и масла; имъ курятъ во всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся случаѣахъ жизни (при тубѣ, окончаніи уборки хлѣба и т. п.). Другое же зажигается для отогнанія или умилиостивленія духовъ. Для выѣлки этого второго куренія берутъ стебли дикаго горнаго лука, раздробляютъ ихъ камнями, сушатъ и скатываютъ получившуюся массу въ шарики, которые панизываютъ на нитку. Когда этотъ мятый лукъ совсѣмъ высохнетъ, его смѣшиваютъ на маслѣ съ отрубями и семенами растенія іспанд.

7) Произведенія страны, промыслы, торговля и т. д.

Въ Ишкашимѣ водятся дикия пчелы; въ ихъ ульяхъ, небольшихъ по размѣрамъ, бываетъ иногда медъ. Замѣтивъ такой улей, горецъ, желающій полакомиться медомъ, схватываетъ соты, накрывши съ головой халатомъ, и пускается бѣжать, преслѣдуемый пчелами. Когда пчелы отстали, онъ рассматриваетъ свою добычу; если соты съ медомъ, онъ его съѣдаетъ; если же пустые, то онъ хранить ихъ покуда не встрѣтится въ нихъ надобность; а именно, когда въ домѣ изготовленъ кусокъ матеріи или сшитъ новый халатъ домашняго производства, то, прежде чѣмъ отнести его на базарь,

раскладываютъ костеръ, въ который кладутъ пустые соты, и надъ дымомъ этого костра держать назначенную къ продажѣ ткань. Существуетъ повѣrie, что тогда покупатели, какъ пчелы, набросятся на товаръ и будутъ перебивать его другъ у друга, надбавляя цѣну. Этотъ обычай кромѣ Ишкашима существуетъ и въ Горонѣ.

Медь, обыкновенно, получается отъ Зебакцевъ, народа сравнительно болѣе промышленного и торговаго, чѣмъ ихъ сосѣди. Зебакцы, въ свою очередь, достаютъ медъ отъ Кафировъ и Читральцевъ, занимающихся пчеловодствомъ; ульи у этихъ племенъ дѣлаются изъ глины. Зебакцы занимаются приготовленіемъ пороха, а также, совмѣстно съ Сангличцами, продаютъ окрестнымъ жителямъ сѣру и фитили. Въ Зебакѣ-же добываютъ въ руслахъ рѣчекъ (преимущественно Каж-Дара) кусочки свинца и, переплавивъ ихъ, продаютъ сосѣдямъ. Въ Читраль Зебакцы носятъ (на своихъ спинахъ) продавать чугунные котлы и соль; послѣднюю носятъ также и къ Кафирамъ-Сюпушамъ. Изъ Читрала получаютъ матеріи, изъ Кафиристана — рогатый скотъ и шерстяныя издѣлія (зnamенитыя одѣяла); отъ Ваханцевъ и Ишкашимцевъ покупаютъ козъ, которыя перепродаются Кафирамъ.

Въ Зебакѣ есть одно селеніе, Сытѣч (15—16 домовъ), жители которого занимаются гончарнымъ дѣломъ; въ другихъ, окрестныхъ селеніяхъ съ этой отраслью промышленности совсѣмъ не знакомы. Посуду свою жители Сытѣча развозятъ сами и вымѣниваютъ на хлѣбъ; покупатель долженъ наполнить покупаемый сосудъ зерномъ, каковое и высыпается продавцу, а посуду беретъ покупатель. Горцы уверяютъ, что, несмотря на колебанія цѣнъ на хлѣбъ, соотношеніе между стоимостью его и стоимостью посуды остается неизмѣннымъ. Жители этого селенія, повидимому, взялись за гончарное дѣло, вслѣдствіе невозможности орошать свои поля за недостаткомъ воды: *ملک ابشان بسیار کم آست* говорилъ разскажчикъ. На обжиганіе глиняныхъ издѣлій берутъ особую траву, называемую по зебакски пѣт, о которой было уже упомянуто.

Про рубины, издавна вывозимые съ верхняго теченія Пянджа, существуетъ старинная поговорка: *سر لعل سچون دل لعل سچون پای لعل غاران*, т. е. «голова рубиновъ Іамчун (ваханское произношеніе), сердце — Сумчун, нога — Ѓорбн». Несмотря, однако, на поговорку, въ настоящее время по большей части забыты тѣ мѣста, гдѣ были залежи рубиновъ; въ Сумчунѣ²³⁾ по-

23) Сумчун — не селеніе, а *هاندان* т. е. урочище, где есть посѣвы, но нѣтъ домовъ.

казывают бѣльющія на большой высотѣ осыпи, якобы отвалы старинныхъ копей; и только въ Горонѣ, въ мѣстности **لُوک**, туземцы достовѣрно знаютъ, что изъ пещеры, виднѣющейся высоко на склонѣ горы, добывались ру- бины еще въ XIX-мъ вѣкѣ. Съ этимъ мѣстомъ связана легенда про дракона, который стережетъ хранящіеся въ пещерѣ драгоценные камни.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Названія селеній въ Ваханѣ и Ишкашимѣ.

I. На Бухарской территории.

1. Ваханъ.

Ишкашимское произношение: не записано.

Ваханское произношение: лаңгари-кіхи — һісбр (2 дома) — зуғ —

Ишк. зыгшынд — шүргін — дүрің — ніжгар — выраңг — вывыкут —

Bax. зыгшанд — шургін — дырің — ніжгар (2 дома) — выраңг — вынукут —

Ишк. јамг — јамчин — пытуп — зұмыдк — шұтхарв — даршај — *төк-

Bax. јамг — јамчин — пытуп — зұмыдк — шәтхарв¹⁾ — даршај — төк-

Ишк. хбна²⁾ — раманіт — шуддіт — наматгыт³⁾ —

Bax. хбна — раманіт — wіdіt (2 дома) — наматгут (14 домовъ) —

Ишк. пасравон³⁾ —

Bax. пырхырав (2 дома) —

2. Ишқашимъ.

Ишк. рын⁴⁾ — илд⁵⁾ — *алхарв — *сұмрін —

Bax. ран (15 домовъ) — над (11 домовъ) — алхарв — сұмрін —

Ишк. jáхшиwол⁵⁾ — мышwол⁵⁾ — áвүц⁵⁾ — *сугац —

Bax. jáхшиwол (2 дома) — мышwол (3 дома) — áвүц (1 домъ) — сугац —

II. На афганской территории.

1. Ваханъ.

Bax. сáрі-саpнад⁶⁾ — саст — кóркүт — чéлканд — пітхых — ісік — нéср —

Bax. шұхарв — выштхарв — раһчўн — jўр — рўруғ — кырыт —

Bax. кызгыт — пўтір — саргаз — кішкүт — морабар — шўлк — вўст —

Bax. wузед — саст — ағарч — гўзхўн — пыріш — панџа — пага —

Ишк. пыкўј — ішмурؔ — хандут — јаміт — пыгіш — не записано —

Bax. пыкўј — ішмурؔ — хундут — јаміт — пігіш — *кашкандев⁷⁾ —

Ишк. wургыад — дугыргыш — шыруп — сары-шұхарв — лаңгар —

Bax. wургынд⁷⁾ — дігáргынд⁷⁾ — *шүрупн — сарі-шұхарв (1 д.) — лаңгар —

Ишк. шұхарв — кыншіхон — кыбут — варк — шўтрўс — козі-дё —

Bax. шұхарв — кыншіхон — *кыбыт — варк — шўтрўс — козі-дё —

Ишк. выждрўс — вытур — ірус —

Bax. выждрыг (1 домъ) — пытъир — *ірус —

2. Ишқашимъ.

Ишк. шéхц⁸⁾ — хéрмані — бóшнанд — бóзбр —

Bax. шехц (7 д.) — хéрмані (10 д.) — бóшанд (2 д.) — бóзбр (2 д.) —

Ишк. тáréв — бінгардё — пастwол — хүшпок —

Bax. тáréв (4 д.) — бінгардё (13 д.) — пастwол (2 д.) — хүшпок (4 д.) —

Ишк. бóштырук — турбат⁹⁾ — чўшусост¹⁰⁾ — шусост —

Bax. бóштырык (2 д.) — турбат (20 д.) — чутwисост (1 д.) — wicост (3 д.) —

Ишк. кырхон — шїкёп — бонбор — рewаріч¹¹⁾ — чүшхон¹²⁾ —

Bax. кудхон (1 д.) — *шікёп — бўнбор (4 д.) — рewаріч (4 д.) — чишхон (8 д.) —

Ишк. козі-дё — заргарон — дёрван — чўкар —

Bax. козі-дё (6 д.) — заргарон (7 д.) — дёрван (7 д.) — *чўкар —

Ишк. кындыкод¹³⁾ — саjбд¹³⁾ — міjбакор¹⁴⁾ — каңгырак —

Bax. кындыкод (4 д.) — саjбд (5 д.) — *міjёнкол — каңгарақ (1 д.) —

Ишк. сыйкўмўр¹⁵⁾ — гац-оббод — сар-цаңгал — вўркаф —

Bax. *сыкымбл — *гац-оббод — сар-цаңгал (2 д.) — вўркад (2 д.) —

Ишк. дѣ-бблѣ¹⁶⁾ — дѣ-пбжн — сар-шах — лаңгар — wâstuk —
Вах. дѣ-бблѣ (7 д.) — дѣ-пбжн (4 д.) — сар-шах (2 д.) — *лаңгар — *wûstuk —

Ишк. шах-бын — jáштев.
Вах. *шах-бын — *јаштев.

Примѣчанія:

- 1) По объясненію ваханца, название это образовалось изъ шот — земля (خاک) и хара, повидимому, корня глагола сидти (о дождѣ, снѣгѣ и т. п., перс. بارگدن), 3 л. ед. наст. вр. харвд, т. е. такое мѣсто, где, благодаря вѣтру, сыпется пыль. Такъ же объясняется название шухарв (шу — черный), т. к. тамъ черная земля.
- 2) Знакомъ * отмѣчены мѣстности, где въ настоящее время нѣть селенія, но есть посѣлки; таджики называютъ ихъ **هقان خانه**.
- 3) Жители этихъ селеній, хотя говорятъ по ваханско, но по происхожденію ишкашимицы.
- 4) Говорить по ишкашимски.
- 5) Говорить по персидски (т. е. на таджикскомъ нарѣчіи).
- 6) Селенія отъ сарі-сарнад до Гозхун расположены по обоимъ берегамъ рѣки **آب سرگزد**, текущей по афганской территории; у сел. Гозхун **آب سرگزد** сливаются съ **آب لنگر**, текущей по бухарской территории.
- 7) Эти три селенія называются также общимъ именемъ тургунд.
- 8) Девять селеній отъ шѣхъ до бѣзырукъ носятъ общее название дѣ-бблѣр.
- 9) Населенъ ишкашими, говорящими по персидски; говорить, ихъ теперь до 50 домовъ.
- 10) Т. е. «малый wîsбost»; пять селеній отъ чуwyusбost до боббр носятъ общее название wûsбost.
- 11) Въ прежнее время решарѣ составлялъ одно цѣлое (въ административномъ отношеніи) съ рынкомъ; со времени разграничения отнесены къ группѣ wûsбost.
- 12) Четыре селенія отъ чушихъ до бѣршина носятъ общее название дѣ-хѣда.
- 13) Всѣ девять домовъ охотники.
- 14) Землими этого **هقان خانه** владѣютъ жители дѣ-хѣпа.
- 15) Половина этого селенія принадлежитъ къ Ишкашиму, половина къ Зебаку.
- 16) Семь селеній отъ дѣ-бблѣ до jáштев составляютъ яхдур.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТАБЛИЦЪ.

I.

Переноска сноповъ съ поля. Снимокъ сдѣланъ въ Ваханѣ, въ селеніи Лянгарь-Гишть, 20 августа 1903 г. Доска, на которой переносятся снопы, называется *мошт* (стр. 26) и служить также для переноски всякихъ тяжеостей (стр. 24).

II.

Молотьба. Хотя снимокъ этотъ сдѣланъ въ Язгулемѣ (2 сентября 1903 г. въ селеніи Джамакъ), но онъ одинаково вѣрно иллюстрируетъ молотьбу и у другихъ горныхъ таджиковъ. Снопы развязываются, раскидываются на гумиѣ и гоняютъ по нимъ скотъ; въ данномъ случаѣ гумно огорожено и снопы разбросаны по кругу; шесть головъ скота связаны палкой на подобіе ярма и топчать хлѣбъ (къ стр. 23).

III.

Похороны въ Ишкашимѣ (снимокъ сдѣланъ въ селеніи Рындѣ въ августѣ 1902 г.). Тѣло несутъ на посыпкахъ къ могилѣ (къ стр. 17). Виереди ведутъ собаку (остатокъ древняго иранскаго повѣрья).

IV.

Домъ въ селеніи Рындѣ. Навѣсть направо отъ входа — пейшваз, упоминаемый въ текстахъ.

V.

Селеніе Рындѣ въ Ишкашимѣ. Какъ всюду у горныхъ таджиковъ, селеніе не разбито на правильныя улицы; стѣны домовъ глинобитныя, заборы сложены изъ камней, посѣлы разбросаны на клочкахъ удобной земли.

VI.

Группа ишкашимцевъ (снято въ селеніи Рындѣ въ 1902 г.).